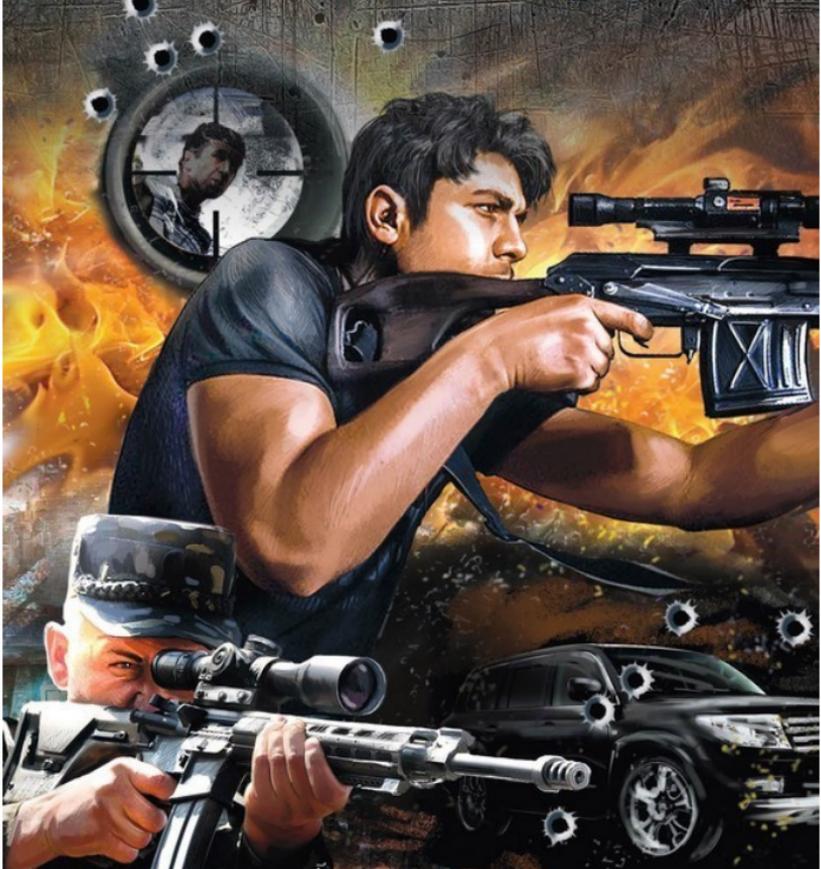

**АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ**

ЛИКВИДАТОР

Александр Афанасьев
Ликвидатор
Серия «Враг у ворот.
Фантастика ближнего боя»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606862
Афанасьев А. Ликвидатор : Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70457-6

Аннотация

1991 год, год развала СССР, стал годом триумфа США – на планете осталась одна сверхдержава, и никто не мог поспорить с ее лидерством. Уж точно не Россия, униженная и растоптанная. Казалось, ей никогда не достичь и тени бывшего могущества. Но американские геополитики просчитались: Россия возродилась слишком быстро, и не в качестве друга – а в качестве врага Америки. Девяностые годы убедили русских в том, что с Америкой дел иметь нельзя, что Америка была, есть и останется врагом. И русские жаждали мести. Расплаты за девяносто первый год. Когда Джордж Буш сказал в рождественском телеобращении: «Хвала Богу, мы выиграли холодную войну», он и не подозревал, как быстро за эти слова придется расплатиться...

Содержание

07 июня 2015 года. База ВВС США Эндрюс Лэнгли, штат Виргиния, Фэрфакс – Каунти. Центр разведки имени Джорджа Буша. 07 июня 2015 года	17 21
07 июня 2015 года. База ВВС США Барксдейл	33
08 июня 2015 года. Москва, Шереметьево-два	39
08 июня 2015 года. Вашингтон, округ Колумбия. Офис министерства безопасности родины	59
09 июня 2015 года. Вашингтон, округ Колумбия. Белый дом. Пенсильвания-авеню, 1600	76
09 июня 2015 года. Где-то в Подмосковье Конец ознакомительного фрагмента.	113 141

Александр Афанасьев

Ликвидатор

Я пишу эти строки ровно в тот день, когда узнал о гибели Криса Кайла, бывшего снайпера спецназа ВМФ США, абсолютного чемпиона армии, ВМФ, ВВС и морской пехоты США по количеству убитых. Сто шестьдесят официально подтвержденных смертей за четыре тура в Ирак, сам Крис говорил, что убил не менее двухсот пятидесяти пяти человек.

Его и еще одного человека убил неизвестный на ранчо, где Крис преподавал искусство стрельбы на дальние дистанции. Неизвестный, не имеющий никаких видимых мотивов, но достаточно профессиональный, чтобы убить двоих, в том числе бывшего «морского котика», на ранчо, полном оружия и любителей оружия, а потом скрыться. Знакомый и злоедающий почерк. Такое ощущение, что в наши дни сам дьявол сдает карты за игральным столом, за которым находимся мы все.

Смерть эта – не случайна, как и смерть детей в Сэнди Хук Элементарии, она произошла точно в нужное время и в нужном месте, чтобы вызвать совершенно определенные эмоции и совершенно определенные события. Точно так же не случайна смерть Джеффа Холла, «неонациста», отца пятирех детей, который жил в Калифорнии, «муссировал тему

опасности, которую несет с собой нелегальная миграция» и «отправлял в пустыню в пограничную зону вооруженные отряды, а все свободные деньги тратил на оружие и военное снаряжение». Возможно, тот, кто не жил рядом с Мексикой, кто не знает, что такое отряды смерти «Лос Зетас», не видел мешка с частями порубленных на куски людей или фабрику, где несколько сотен людей растворили в кислоте, и ни разу не встречал банду мексиканских малолеток, некоторым из которых нет и четырнадцати, но пистолет есть уже у каждого – для того все это пустой звук. Но мы-то знаем... Все это имеет цель лишить американцев права на оружие, а затем – и свободы.

Крис Кайл был солдатом. Он был сыном священника, который пошел в армию, прошел самый жестокий отбор в отряды спецназа ВМФ США, а потом дрался за свою страну в Ираке. В отличие от многих других, он точно знал, кто его враг и за что он дерется. В Ираке он сделал татуировку красного креста на ладони – он хотел, чтобы солдаты исламского джихада знали про то, что он христианин. Видит бог, он служил своей стране и сделал больше, чем кто бы то ни было, для своей страны, которая этого, возможно, не заслуживала.

Покойся с миром, последний крестоносец Америки. Знай, что имя твое – не забыто, и дело твое – будет продолжено. Эта книга – посвящается тебе.

Аминь.

Незапертый дом...

*Начало пути...
Но егеря уже открыли сезон,
И нам не пройти.
Нелеп,
Как кровь на цветах,
Мой бенефис.
Я пою о тропе наверх,
А сам ухожусь вниз...
Камнепад*

Полагаю, что двадцать первый век Соединенные Штаты Америки проиграли в короткий промежуток между 1991 и 1994 годом. Точно так же, как вторую половину двадцатого века – они выиграли в промежутке между 1944 и 1950 годом, раз за разом принимая правильные решения. Увы... спустя пятьдесят лет решения раз за разом принимались неправильные, а Билл Клинтон все-таки не дотянул ни до Франклина Делано Рузвельта, ни до Джона Фитцджеральда Кеннеди. Не тот масштаб...

В девяносто первом – так же, как и в сорок пятом, и до этого в восемнадцатом – Соединенные Штаты Америки оказались в числе группы стран, в третий раз за этот век выигравших принципиальную цивилизационную схватку. Причем – в этот третий раз – Америка была лидером группы стран, в то время как в 1918-м она была «одной из», а в 1945-м – одной из двух (вторым был СССР). В 1991 году Америка одержала победу над коммунизмом.

Однако Билл Клинтон оказался отнюдь не Франклином

Делано Рузвельтом. В отличие от Рузвельта – он не распознал стоящей перед Америкой стратегической задачи: не просто победить врага, а сделать его своим другом, чтобы вражда больше не повторялась. Точно такая же ошибка была сделана в 1918 году – Германию унизили и поставили на колени, сделав возможным появление НСДАП и самой кровавой войны в истории человечества, войны, которую вызвали к жизни унижение и жажда мести со стороны великой нации. В сорок пятом – Рузвельт и Америка не повторили этой ошибки, они сделали все, чтобы Германия оправилась от травм, нанесенных войной, и сделалась сильным, зажиточным и стабильным государством. В девяносто первом Клинтон повторил ошибку 1918 года. Расплачивается Америка за нее уже сейчас.

В принципе, его можно по-человечески понять. В девяностые казалось, что наступил конец истории. Экономика росла как на дрожжах, врагов почти не осталось. В то же время в США не было сильных специалистов по России. Было до черта советологов, безавших диссидентов, перебежчиков, но после крушения СССР для выстраивания текущей политики они были ничуть не более полезны, чем, к примеру, египтологи. Россия для администрации США была черным ящиком, а Билл Клинтон был не из тех, кто любил докапываться до сути, он был слишком несерьезен для этого. Видимо, он полагал, что у Америки есть, по меньшей мере, лет тридцать, прежде чем появится сколько-либо се-

рзезный геополитический противник, и пока можно расслабиться и получать удовольствие. По крайней мере, на его два президентских срока – уж точно времени хватит. Так в девяностые было совершено сразу несколько геополитических ошибок, последствия которых начинают проявляться только сейчас.

Билл Клинтон ничего не знал про Россию. Он думал, что Россия – это вечно пьяный друг Борис да кучка пришибленных коммунизмом людей. Никто не сказал ему, что коммунизм – всего лишь небольшая глава в тысячелетней истории огромной страны. Никто не рассказал ему, что Россию нельзя безнаказанно победить, что Россия никогда не примет и не признает никакого поражения. С весьма сомнительным уровнем американского школьного образования, наверное, он все же слышал, как в России погибли армии Наполеона и Гитлера. Но ему никто не рассказал про то, как погибла Речь Посполитая – всего за сто с небольшим лет до ее гибели ее воеводы водили польских крылатых гусар на Москву и сажали в Кремле своих ставленников. Никто не рассказал ему и о том, как погибла Золотая Орда, за двести лет до этого одержавшая победу над Русью и захватившая ее – а потом все получилось так, что это Русь присоединила к себе большую часть территории Орды. Никто не объяснил ему, что Россия – это не Аргентина, у которой можно отнять Фолькленды и спокойно жить дальше. В короткий срок, в исторический миг с девяносто первого по девяно-

сто четвертый год – Америка имела уникальный исторический шанс прекратить вражду и сделать Россию своим другом, – а Россия умеет дружить, и жертвовать ради дружбы она умеет. Но вместо этого Америка с упоением принялась ставить над Россией рискованные экономические эксперименты, унижать ее, показывать ей новое место, лишать ее законных геополитических прав и преимуществ, продвигать НАТО на Восток – хотя Рейган дал четкое обещание Горбачеву, что этого не будет. Но американские геополитики просчитались в одном: Россия возродилась слишком быстро, и не в качестве друга, а в качестве врага Америки. Девяностые годы убедили русских в том, что с Америкой делить нельзя, что Америка была, есть и останется врагом, вне зависимости от того, какой будет Россия. И русские жаждали мести. Расплаты за девяносто первый год. Когда Джордж Буш сказал в рождественском телеобращении: хвала богу, мы выиграли «холодную войну», – он и не подозревал, как быстро за эти слова придется расплатиться.

Билл Клинтон ничего не знал и про ислам. Все девяностые годы Америка не вела, а имитировала внешнюю политику. Не прогнозировала – а реагировала по факту. Девяностые во внешней политике Америки – это позорное бегство из Сомали, это оставление в Афганистане многотысячных банд, которые, по мнению Америки, должны были просто самораспуститься, сложить оружие и пойти по домам, это фокус внимания на Югославию – кровавый, но все же пере-

ферийный конфликт, который не определял будущее мира. Америка старалась не замечать растущего влияния агрессивного ислама – до тех пор, пока не наступило 9/11.

Сейчас, через двенадцать лет после этой трагедии – Америка превратилась из мирового гегемона в геополитического банкрота, в осажденную крепость. И это – прямое следствие тех решений, которые были приняты в 91–94 годах. Ошибка, допущенная тогда, привела к тому, что Америка оказалась в одиночестве перед сонмом самых разнообразных врагов. У Америки больше нет друзей – есть только враги.

Первый и главный враг – это агрессивный ислам. Это жестокий и неуловимый враг, его действия напоминают комариные укусы, но требуют постоянно держать наготове громадную службу безопасности, тратить деньги на систему глобального контроля Интернета и всех каналов связи, на огромные службы внутренней безопасности. Он заставляет Америку держать вдали от своих берегов военные контингенты, реагировать на вылазки экстремистов в разных странах, держать под контролем огромные враждебные территории. Это называется GWOT – Глобальная война с терроризмом. И Америка уже израсходовала на нее больше, чем на Вторую мировую войну: экономика в коллапсе, а предела расходам нет и не видно. Интенсивность и тяжесть террористических проявлений за десятилетие увеличились на порядок, теракт из чрезвычайного происшествия превратился в обыденность. Более того – ситуация ухудша-

ется.

Одновременно с этим Америка вынуждена поддерживать стратегический паритет сразу с двумя геополитическими противниками, одним новым и одним старым. С Россией и с Китаем.

С Китаем до крушения СССР у Америки были лучшие отношения, чем кто-либо может представить. Китай был дешевой фабрикой для США, фактически рабовладельческой плантацией, позволяющей снизить издержки. Одновременно с этим Китай вместе с США воевал против СССР – достаточно сказать, что почти все автоматы у моджахедов в Афганистане были китайские, а китайских инструкторов было не меньше, чем американских. Но после девяносто первого года Китай стал пока неявным, но врагом Америки. Во-первых, Китай усвоил урок крушения СССР – с Америкой дружить нельзя и открываться ей тоже нельзя. Во-вторых, Китай стал слишком сильным экономически, и это само по себе поставило его по другую сторону баррикад. Сейчас Китай фактически помогает исламистам против США в Афганистане. Рассадник террора находится в соседнем Пакистане, и Америка не может ничего с этим сделать, потому что за Пакистаном стоит Китай. Спихватившийся Збигнев Бжезинский предложил концепцию «большой двойки», союза Китая и США, но Китаю это не нужно. Китай знает про опасность сильной и не связанной по рукам Америки. Китай будет ждать, пока Америка утонет.

Россия в значительной степени восстановилась после катастрофы девяносто первого года, причем русские исходя из этого опыта стали воспринимать Америку как источник опасности и как векового врага. Сейчас отношение к Америке даже более враждебное, чем во времена СССР, когда с трибун громыхали разгромные речи, а советские пацаны мечтали об американских джинсах. Россия возродилась, Россия начала качественно перевооружать свою армию (на что у Америки уже нет денег), и Россия и Китай намереваются строить полноценные авианосцы – прямая угроза США. Сейчас Россия является постоянным раздражителем для Америки: она продает вполне современное оружие тем, у кого Америка не хотела бы его видеть, препятствует осуществлению американских внешнеполитических планов, вынуждает тратить деньги на перевооружение, когда денег нет. На сегодняшний день, Россия пусть и не обладает такой силой, как СССР, – но ее силы и влияния достаточно, чтобы быть тем фактором, который и определит расстановку сил в двадцать первом веке. На чьей стороне будет Россия – тот, скорее всего, и победит.

Объединенная Европа, давний союзник Америки против советского блока, с поля боя просто дезертировала. В Ираке не было ни французских, ни немецких войск, иракскую авантюру и та и другая страна просто осудила. В Афганистане и немцы и французы постарались присутствовать по минимуму, причем немцы разместили свои войска в самом спо-

койном, Северном Афганистане. А как только стало понятно, что затея провалилась, первыми бросились бежать. Европа, при ее совокупном ВВП, превышающем ВВП Америки, фактически демобилизовалась. Только подумайте – на всю Европу приходится один атомный авианосец (!!!), при том, что у США их десять. Зато в Европе – миллионы и десятки миллионов мигрантов, и сотни тысяч принимают ислам. А министр обороны Бельгии не моргнув глазом объясняет, почему нет ничего страшного в том, что салафиты служат в военной разведке НАТО...

Америка раз за разом совершает в отношении России грубейшие, непростительные ошибки. Даже находясь у последней черты, даже со спадом экономики и уже неподъемным грузом лидерства Америка все равно считает для себя возможным ударить по России. Будь то ПРО, расширение НАТО на Восток, закон Магнитского, проводимый в Америке день порабощенных народов, в числе которых Идель-Урал и казаки, – все это ошибки, за которые еще придется платить.

Почему это так? Потому что США по-прежнему ничего не знают о России. Ничего. Точно так же, как Никсон открыл Китай – точно так же кому-то из американских президентов, возможно, удастся открыть Россию. Пока не станет слишком поздно.

Все знания Америки о России исходят от тех, кто считается в Америке специалистами по России. А кто это такие?

Ну, например, в администрации Буша-младшего это была Пола Добрянски, зам госсекретаря США, дочь Льва Добрянского, известного бандеровца и русофоба. Збигнев Бжезинский (его фамилия с польского переводится как Березовский), лютый русофоб польского происхождения. Среди тех, кто сейчас считается в США экспертами по России, почти нет тех, кто работал в России, имел бизнес с Россией, дружил с Россией. Это потомки тех, кто бежал из России, от России и ненавидит Россию. Могут ли они быть экспертами по России? А как вы считаете, может быть профессором... к примеру, физики, человек, который ненавидит физику? Традиция считать экспертами по какой-либо стране людей, убежавших оттуда, – страшная традиция, ахиллсова пята американской дипломатии, раз за разом приводящая ее к провалам и катастрофам.

Самое страшное в этом во всем то, что Россия и Америка – естественные союзники. За злобным гомоном русофобов скрывается один простой факт: мы – такие же, как они. А они – такие же, как мы. И мы, и они – белые, богобоязненные люди. Патриоты своей страны. Люди, умеющие ценить женскую красоту, а не запихивающие ее в черный мешок паранджи. Люди, умеющие идти до конца – но испытывающие отвращение при виде варварской жестокости Востока. Люди, верящие в прогресс, стремящиеся к звездам – а не воюющие за то, чтобы опрокинуть весь мир в варварство, к эпохе первых четырех халифатов. Люди, пытливо

изучающие все новое – а не отрезающие людям головы за то, что они смотрели телевизор. В те короткие мгновения, когда русские и американцы служили вместе – например, в миротворческих силах в Югославии – простые солдаты совершенно без каких-либо проблем находили общий язык друг с другом. Это не Афганистан, где американский сержант учит афганских солдат сражаться, а кто-то из этих солдат злобно выжидает момент, чтобы выстрелить ему в спину. Любой русский, обычный, с улицы – спокойно сможет найти общий язык с любым американцем, как только научатся понимать друг друга. Но ни один из нас не сможет найти общий язык с пакистанцем из трущоб Пешавара.

И у нас – общий враг. Салафизм, агрессивный ислам – смертельный враг и русских и американцев. Они убивают и их и нас. Хотят поработить и их и нас. Разрушают то, что строили и строим и мы, и они, превращая в помойку цветущие страны и города. Они – наши враги, но мы ищем врага друг в друге.

Сейчас перед нами, перед Россией, перед Америкой, перед Китаем, перед потихоньку разлагающейся Европой стоит одна и та же задача, новый глобальный геополитический вызов. Вызов высшего уровня, и кто поднимет перчатку и выиграет бой, тот, скорее всего, и станет гегемоном на весь двадцать первый век. Мы должны модернизировать Восток, модернизировать весь или большую часть третьего мира, с тем чтобы лишить питательной среды радика-

лизм и терроризм. Мы должны сделать так, чтобы они сами себе могли обеспечить хотя бы минимально приемлемый уровень благосостояния. Причем, мы должны это сделать в условиях цейтнота по времени, ограниченности ресурсов, уже наделанных ошибок, собственной слабости, потери воли и веры в собственные силы – но мы должны это сделать. Отказ от решения этой задачи чреват одним из двух: либо ядерной войной и гибелью половины человечества, либо цивилизационной катастрофой и крушением цивилизованного мира под натиском нового варварства, стремительной деградацией, варваризацией и наступлением новых Средних веков.

Эта книга – я еще не знаю, какая она будет, когда пишу это. Но эта книга – про Россию и про Америку. Про их настоящего врага, про салафизм и ваххабизм, про Аль-Каиду и Имарат Кавказ, про русских и американцев, с ними борющихся. Про простых солдат, понимающих, кто друг и кто враг, гораздо лучше многомудрых политиков. Это книга о нашем времени. О катастрофе, к которой мы полным ходом идем. И которая вполне может случиться...

07 июня 2015 года. База ВВС США Эндрюс

Хоронили президента...

Таких людей не было и, наверное, уже и не будет – не рождает земля таких. Современные люди предпочитают сиюминутное – вечному, наслаждения – долгу, мнения – истине. Они суетливы, бестолковы, имеют дурную привычку бросаться всем в одну сторону, подобно косяку рыб, быстро очаровываются и так же быстро разочаровываются. На них нельзя положиться – и это приговор. Но здесь, на похоронах патриарха американской политики и обороны, собрались те, на которых, безусловно, можно было положиться...

Президент – а в США человек, избранный президентом, считается таковым до дня своей смерти, просто есть действующие президенты и президенты в отставке – погиб в Москве, вчера. В холле «Президент-отеля» его и русского президента взорвала смертница, просочившаяся через многочисленные посты охраны благодаря специально подстроенной панике. Президент России, действующий президент, был ранен, а президент США погиб, и сейчас его доставили на базу Эндрюс самолетом ВВС США – бортом, принадлежащим командующему USCENTCOM, американскими силами в Европе, специально посланным в Москву для этой миссии...

Когда огромный «С17» остановился у выстроенных в почетный караул солдат, оркестр морской пехоты США в последний раз грянул «Привет вождю» – песню, исполняемую при появлении президента на публике. В последний раз...

Восемь дюжих морских пехотинцев, одетых по форме «№ 1 парадная синяя» поднялись на борт транспортника и медленно, четко печатая каждый шаг, вынесли оттуда накрытый американским флагом гроб. Работа для них была привычной – число американских солдат, погибших за океаном за годы долгой и страшной GWOT, глобальной войны с терроризмом, – подбиралось к цифре с четырьмя нулями, еще пятьдесят тысяч вернулись в страну ранеными и искалеченными. Но лучше от этого не стало – сейчас уже практически всем было понятно, что Америка проиграла эту войну. И еще одним свидетельством этого было то, что главнокомандующий, затеявший ее, тоже пал на этой войне и сейчас возвращался на свою родную землю в гробу, накрытом звездно-полосатым флагом.

Сейчас, на базе ВВС США Эндрюс, собралась большая часть американской военной и разведывательной элиты. Они встречали своего командира, павшего на поле боя. Строгие костюмы, черные платья, очки, седые волосы. Глубокая скорбь на лицах и тщательно скрываемое потрясение...

Первым к поставленному на специально подготовленные подставки гробу подошел пожилой, высокий, худой человек, поддерживающий свою жену. У самого гроба она

вдруг с нечеловеческой силой рванулась, бросилась вперед, с криком упала у гроба... ее бросились поднимать. Человек неловко стоял в двенадцати футах от гроба, непослушные губы шептали молитву, потому что больше ничего не оставалось...

В гробу лежал его родной сын. Как и он сам – президент Соединенных Штатов Америки.

От того момента, когда в сорок втором потерявшего сознание и едва не утонувшего кормового стрелка торпедоносца подобрали спасатели, до нынешней, торжественной и печальной церемонии – прошли, казалось, миллионы лет. Двадцать с небольшим лет назад он появился на рождественском телеэкране и объявил своим согражданам: хвала богу, мы выиграли «холодную войну». Сограждане кивнули и через год прокатили его на выборах. Но как, во имя всего святого, – как могло получиться так, что за двадцать лет они прошли путь от первой и единственной сверхдержавы мира – до больного, остаревшего кита, которого уже рвут на куски мелкие, но злые и прожорливые хищники, не желающие дожидаться, пока кит сдохнет от старости и слабости.

Во имя всего святого, как могло такое произойти?

– Сэр, вам помочь?

Джордж Буш оттолкнул руку морского пехотинца – черт возьми, никто не должен видеть их слабость! Подошел к гробу, положил на него правую руку – как на клятве, которую приносит каждый президент Соединенных Штатов. И что-то

снова зашептал. Что? Бог знает...

Лэнгли, штат Виргиния, Фэрфакс – Каунти. Центр разведки имени Джорджа Буша. 07 июня 2015 года

Пламя джихада распространяется с неумолимой силой, и разожгли его сами американцы, развязав глобальную войну против ислама.

*И это война не танков и самолетов, не командиров и солдат. Это война идей и идеологий, война смыслов и образа жизни, война сердец и человеческой воли. Это война, в которой мир невозможен без полной и окончательной победы...
Abror.info*

После короткой церемонии встречи огромная колонна машин во главе с катафалком направилась в округ Ферфакс – Каунти, в конференц-центр разведки имени Джорджа Буша, самого нового здания в ЦРУ, построенного в девяносто девятом году и названного в честь первого и пока единственного человека, который в своей карьере успел побывать и директором ЦРУ, и президентом США. Вместе с членами семьи здесь должны были собраться все люди, которые работали с погибшим президентом, – верхушка Республиканской партии, члены Конгресса, элита американского разведывательного сообщества, – чтобы отдать дань памяти павшему

и поклясться в том, что его дело не будет забыто, война продолжится, а убийцы и террористы понесут суровую кару.

В одну машину с отставным президентом США сел директор Национальной тайной службы, который начинал как раз в период директорства в ЦРУ Буша, и Буш же его заметил. Супруги в машине уже не было – ее увезли на карете «Скорой»...

– Господин директор...

– Ради всего святого, Уолт! – взорвался бывший президент. – Не надо меня кормить этим дерьмом с ложечки. Что, ко всем чертям, произошло в Москве?

Он сам пару дней назад отправлял своего сына в Москву, чтобы тихо и почти кулуарно договориться о важнейших вопросах мировой политики, прежде всего – энергетической политики. Начиная от вопросов сжижения и экспорта сланцевого газа, к которому Россия по понятным причинам относилась резко отрицательно, и заканчивая доступом американских компаний к бурению в Черном море, которое вполне могло стать Персидским заливом двадцать первого века. Приближались выборы, республиканцы собирались с силами и готовились дать бой демократам всерьез. На кону стояла судьба страны – всем было понятно, что Америка уже не может выносить бремя мировой гегемонии. Вопрос: кого подтянуть? Китай был слишком силен и скрытно враждебен. Европа сгнила до основания... ублюдочные демократы, если их не остановить, через пару сроков сделают то же самое с

Америкой. Оставалась Россия, которая была слишком сильна ресурсно, но слишком слаба политически, чтобы играть в одиночку на мировой шахматной доске. Вопрос стоял так – либо Россия с помощью Америки пройдет вторую модернизацию, настоящую, сравнимую с тем, что было при Джо Сталине. В конце концов, и первую русские прошли благодаря американцам, и ничего в этом такого не было – у русских в то время был Джо Сталин, а в США – старина Рузвельт, и ничего, работали. Целая страна, первая по величине в мире на откуп американскому капиталу – вполне достойный мотор для экономики. Если подсчитать, сколько они могут вывезти ресурсов из России... и сколько продать туда американских товаров взамен... голова кружится от перспектив.

Путин? Ну и что, что Путин. Близким другом и политическим крестным их семьи был Аверел Гарриман, посол Аверел Гарриман, который работал в Москве, хорошо знал дядюшку Джо Сталина. Все эти права человека... все это чушь собачья, тем более что в России больше нет коммунистов и никого не расстреливают... и то ладно.

Но вместо соглашения, которое должно было сильно помочь другому из его сыновей на праймериз, гонке за выдвижение кандидатом, – из Москвы вернулся гроб.

– Информации очень мало, но...

– Давай, что есть! – рыкнул бывший директор.

– По данным, какие мы успели получить во время опроса уцелевших сотрудников Секретной службы в посольстве, –

перед самым взрывом произошла какая-то паника, настолько серьезная, что поступил сигнал укрыться в здании. Они успели это сделать, потом русские дали сигнал, что все нормально, в холл вышел их президент, они даже успели встретиться – и в этот момент произошел взрыв.

– А Путин?

– Мы не знаем. Источники в Москве считают, что он жив и если и ранен – то не настолько серьезно, чтобы это препятствовало его дальнейшему нахождению у власти.

Директор Национальной тайной службы помолчал и добавил:

– Мы даже не знаем, на кого на самом деле было покушение. Не исключено, что покушение было на российского президента, у них самих очень серьезные проблемы с исламским терроризмом и с сепаратистами на Кавказе.

– Так узнайте это! – заорал бывший директор и закашлялся. – Что, работать разучились?

– Сэр, это затруднительно узнать в такое короткое время. У нас нет источников внутри террористического движения на Кавказе, мы не можем отслеживать ситуацию там и с помощью беспилотников. Русские – после того как мы признали их кавказских бандитов террористами – проявляют готовность к сотрудничеству, но не в полной мере. Они готовы использовать наши технологии в области БПЛА, связи, компьютерного анализа, опознания, создания баз данных, но внутрь – то есть к своим базам данных и к агентуре – они

нас не пускают. Пока что мы там наблюдатели – и не более того...

– Поверить не могу...

– Сэр, это так. Но мы приложим...

– Хватит, Уолт... – устало сказал сорок первый президент Соединенных Штатов Америки, – уже приложили. Так приложили, что я бы предпочел сейчас покоиться в фамильном склепе, только бы не видеть всего этого...

Колонна тяжелой черной змеей вползала на заранее освобожденные стоянки для личного состава ЦРУ, останавливалась. Группа людей терпеливо дожидалась ее на проходе, ведущем от стоянок к конференц-центру, где и должна была пройти вашингтонская церемония прощания с погибшим. Гражданская церемония должна была состояться в Техасе, куда гроб с телом покойного должен был доставить самолет ВВС-1.

Навстречу процессии выступил директор ЦРУ Питер Теллип. Бывший связной ЦРУ с Белым домом, он хорошо знал погибшего...

– Господин директор...

По негласно установленному порядку к сорок первому президенту США здесь обращались именно так: «господин директор».

– Спасибо, Питер... – сорок первый президент пожал протянутую руку, – спасибо...

– Будьте уверены, сэр, мы сделаем все...

– Я знаю, Питер. Я знаю...

Все медленно двинулись по аллее, обсаженной серебристыми елями. Дул легкий ветерок, природа, казалось, замерла. Можно было увидеть, что из окон на процессию смотрят рядовые сотрудники, винтики в разведывательном механизме США, у которых тоже есть шанс однажды подняться на самый верх...

Здесь кое-кого не было. Первый чернокожий президент США, сейчас дорабатывающий свой второй срок, несмотря на прочувствованные соболезнования, позаботился о том, чтобы государство здесь представляли только второстепенные представители его администрации. Не приехал он сам, не приехал государственный секретарь, который однажды противостоял покойному на президентских выборах. Были только люди из силового блока администрации, испытывающие уважение к покойному, и было несколько человек с солидно звучащими должностями, но, по сути, мало что решающими. Это было заметно.

Но здесь были почти все друзья и политические соратники покойного. Те, кого называли «неоконны». Те, кто правил страной с нулевого по восьмой годы. Оплеванные, изгнанные, попавшие под суд, часто не понятые – но продолжающие свой крестовый поход, в бессилии сжимающие свои кулаки, видя, как слабеет и разлагается великая страна, как утрачивается воля к победе, к лидерству, к господству. На

этих выборах они намеревались взять реванш – но теперь этот реванш лежал в закрытом гробу...

Рамсфельд, Либби, Чертофф... Все они были здесь.

Конференц-зал вмещал около трехсот человек и был достаточно камерным, с невысоким подиумом и кафедрой – трибуной, перед которой выставили накрытый флагом, сделанный из роскошного дерева, с позолоченными ручками гроб.

Сорок первый президент США, снова отвергнув помощь, взошел на трибуну. По пути остановился у гроба, коснулся его...

– Как бы ни было сейчас тяжело... – сказал он, – я вспоминаю слова одного из основателей этой страны, великого американца и великого президента, Авраама Линкольна. Он сказал: «Страх проиграть не должен нам препятствовать сражаться за то, что мы считаем правым». Когда пришло время принимать решение – он принял его и бесстрашно выступил против рабства, против язвы на теле нашей страны. Выступил – и победил, как бы ни было тяжело и страшно.

Сто пятьдесят лет спустя моему сыну тоже пришлось принимать решение. Руки трусливых убийц, которые не способны выступить против Америки в открытом бою, захватили четыре пассажирских самолета, чтобы направить их на наши города. Мой сын принял решение покарать убийц, где бы они ни находились, и отдал приказ выступить. И, как президент

Линкольн, мой сын пал от рук убийц...

Здесь и сейчас – мы должны вспомнить нечто важное для нас. Через сто пятьдесят лет рабство вернулось в еще более ужасной и бесчеловечной форме. Имя этому рабству – ислам. Как сто пятьдесят лет свобода сражалась с несвободой на поле под Геттисбергом – так и сейчас сыны нашей страны сражаются против рабства, варварства, мракобесия далеко за океаном. Мы должны помнить, какую страшную цену платим мы за то, что продолжаем нести факел свободы, не давая никому вырвать его из наших рук. Мы должны помнить каждого, кто пал в этой долгой и страшной войне, защищая право людей оставаться людьми. Но мы должны идти по этому пути и дальше, как шли наши дети и отцы, как хочет того Господь! Мы не должны позволить себе обмануться протянутой рукой лицемерной дружбы – ибо это рука врага, выступающего против всего того, на чем стоит наша страна, против свободы и равенства, против осознания того, что Господь сделал всех нас равными независимо от пола, цвета кожи, вероисповедания. Мы не должны...

И тут все взорвалось...

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Документ подлинный

Хвала Аллаху, мир и благословение Посланнику Аллаха.

Весь мир поздравляет Обаму и американцев... Что касается меня, то я поздравляю Усаму – если все, что они гово-

рят о его гибели, правда. Ведь, действительно, вы получили то, чего хотели!

Вы не оставите свои дворцы и свое богатство, чтобы выйти в непроходимые горы и пещеры только лишь для того, чтобы получить такой конец. Также я поздравляю всех муджахидов, потому что ваш соратник был убит с высоко поднятой головой, не подчинившись врагам Аллаха. Он умер с достоинством в эпоху перемен и революций на планете американцев...

Я прошу Аллаха, чтобы Он принял его в числе Шахидов.

Мы имели различные мнения по многим вопросам, как, например, приоритеты, на которых мы должны сосредотачиваться в нашей работе, допустимость действий со стороны некоторых, кто заявлял, что действует от его лица как в исламском мире, так и на Западе, – например, атаки 11 сентября и другие...

Вместе с этим я не нахожу ничего другого, кроме как сказать с полной уверенностью, что он желал победы для ислама и величия мусульман, что он был ненавистен для врагов этой религии (ислама), он был тем, кто любил Джихад на пути Аллаха, был ли он прав или ошибался в своем иджтихаде (выведение решения на основе Корана и Сунны).

Сейчас мы наблюдаем на Западе торжества по случаю его гибели, но я считаю, торжество оживает его по прибытии на небо (по прибытии в рай), если все сообщения действительно правда. Ведь Аллах сказал:

«Никоим образом не считай мертвыми тех, которые были убиты на пути Аллаха. Нет, они живы и получают удел у своего Господа, радуясь тому, что Аллах даровал им по Своей милости, и ликуют от того, что их последователи, которые еще не присоединились к ним, не познают страха и не будут опечалены» (3:169–170).

Буш открыто заявил о своей войне, как о крестовом походе, и в результате оккупировал Афганистан и Ирак, пролив драгоценную кровь наших Шахидов и раненых, но несмотря на все это, реальность очевидна: дух Джихада все еще жив в Умме, и она не сдастся своему врагу!..

В самом деле, оставаясь с нами, дух Джихада устанавливает высокую цену для нас, и произошедшее лишь исполнило то, что обещал Аллах своему Посланнику (да благословит его Аллах и приветствует), который сказал: «Эта религия будет продолжаться утверждаться группой из мусульман, которая будет сражаться до Судного Часа» (Муслим). И я считаю, что «Талибан» и те, кто сражается в их рядах, – одни из этой группы.

Более того, те разрушения и убийства, к которым США настолько привыкли и которые они называют терроризмом, это то, что они в конечном итоге так очевидно и делают, забирая у других государств независимость на их собственной земле!

Мы же должны знать масштабы того, что делает Запад в таких местах, как Гуантаномо, Абу-Грейб и в тюрь-

мах марионеточного режима Афганистана... Мы видели, как они понимают и соблюдают права человека! Или это тот случай, когда они не считают, что мусульмане попадают в разряд людей? Я думаю, что это именно тот случай!

Много боли и усилий он принес в жертву, но все это было сделано лишь для того, чтобы претворить слова Аллаха:

«Таким образом, Мы разъясняем знамения, чтобы стал ясен путь грешников» (6:55).

Для того, чтобы каждый человек понял, где он находится.

И в конце мы скажем: право людей на сопротивление оккупации и на помощь в этом сопротивлении узаконено с точки зрения Шариата, и даже с точки зрения международного права.

Исламская Умма не остановится из-за смерти одного человека, который имел такие выдающиеся лидерские навыки в области Джихада. Ее стремление – получить свободу и претворить в жизнь желание жить по Исламу. Однако мы еще раз повторяем, что нужно обязательно придерживаться принципов Шариата в своих действиях на Джихаде. То есть, мы не должны нарушать договоры, калечить или убивать женщин и детей, даже если они делали это с нами.

Что касается их заявлений о том, что они бросили его тело в море, то это никак не повредит ему, но напротив – поднимет его место и степень, с позволения Аллаха. Однако это еще раз обнажило уродливое лицо Америки, для которой

ни жизнь, ни смерть не священы!

В действительности это лишь усилит любовь людей к нему (Шейху Усаме бин Ладену), даже среди тех, кто осудил его некоторые поступки. Это также усилит их ненависть к Америке – даже среди тех, кто сочувствовал им из-за тех бед, с которыми они столкнулись.

В заключение мы просим Аллаха (Велик Он и Славен), чтобы он принял его в числе Шахидов, чтобы Он принял его добрые дела и простил ему его ошибки в его иджстихадах.

*Шейх Ясир Бурхами. Египет, Александрия,
29 джумада-ль-уля 1432 г. (2 мая 2011 г.)*

07 июня 2015 года. База ВВС США Барксдейл

Взрыв в Лэнгли вызвал в Вашингтоне настоящую панику...

Президента США он застал в Белом доме, где тот обедал – он сознательно не хотел смотреть на церемонию поверженного им противника, которого он презирал и все без исключения действия которого считал ошибочными. Он как раз доедал приготовленного поваром морской пехоты цыпленка, когда в обеденный зал ворвались сотрудники Секретной службы. Президента буквально на руках вытащили к вертолету – и тот взмыл в воздух, унося главу государства в неизвестном направлении. Если до 9/11 президента должны были доставить на базу Эндрюс, к борту № 1, президентское убежище было только одно, и секрета из него не было, то теперь по протоколу в таком случае президента немедленно доставляли на любую военную базу, на какую придется, после чего уже оттуда перевозили в одно из убежищ. Теперь их было не одно, а восемь, их местоположение считалось государственной тайной...

Вице-президента сообщение о террористическом акте застало в его резиденции, в Военно-морской обсерватории. Секретная служба немедленно препроводила его в бункер,

построенный рядом со зданием после 9/11, – этот бункер был даже более защищен, чем президентский, и мог выдержать прямое попадание крылатой ракеты. По протоколу в случае чрезвычайных обстоятельств президент и вице-президент ни в коем случае не должны были находиться в одном помещении и даже в одном географическом пункте.

Государственного секретаря ситуация застала в самолете ВВС-2 над Атлантическим океаном – он летел в Москву. Ветеран Вьетнама, награжденный тремя орденами, он быстро принял решение и посадил самолет на базе в Рамштайне, где занял командный пункт, построенный на случай ядерной войны в Европе...

Тем временем к зданию в Лэнгли уже мчались пожарные машины и кареты «Скорой», а спешно вызванные морские пехотинцы, солдаты Десятой горной и национальные гвардейцы – устанавливали кольцо вокруг здания.

В стране – впервые после 9/11 – был объявлен общенациональный последний, красный уровень террористической угрозы...

На базе ВВС США Эндрюс, где приземлился президентский вертолет, президента вытащили из вертолета и протащили к небольшому «Лирджету», имеющему в ВВС США обозначение «С21». ВВС-1, огромный «Боинг-747», использовать не решились. В иллюминаторы «Лирджета», взлетающего по короткой полосе, было видно, как по основной тяжело разгоняется выкрашенный в сине-белые цвета «Бо-

инг-747», почти такой же, как ВВС-1, но без длинного ряда окон. Это был ЕС-4А, «коленная чашечка», самолет Судного дня. Последний раз они поднимались в воздух одиннадцатого сентября две тысячи первого года...

Следующее утро американский президент встретил в комнате отдыха пилотов на базе ВВС США Барксдейл, одной из немногих, до сих пор находящихся в распоряжении Стратегического авиационного командования и поддерживающей действия эскадрильи тяжелых бомбардировщиков. Большинство этих грозных птиц, реликтов «холодной войны», были «в разгоне» – на иностранных базах в Аль-Удейде, Катар или в Ферфаксе, Великобритания – бомбили Афганистан, бомбили Сирию, бомбили Ливан, бомбили другие страны... но несколько самолетов все же находились на базе. Огромные восьмидвигательные «Б52», настолько тяжелые, что, когда полностью загруженный самолет взлетает, у него крылья прогибаются на несколько футов – так ему объяснили пилоты, летающие на этих монстрах. Их планировали ремоторизировать, поставить вместо восьми устаревших двигателей четыре новых, сверхэкономичных, от пассажирских самолетов – но это так и не прошло через Конгресс. Зато полтора триллиона долларов выделили (точнее, выбросили) на создание истребителя-бомбардировщика «F35», который до сих пор не мог нормально летать.

Стоя в окружении кольца сотрудников Секретной службы

рядом с самолетом, который был старше его самого, который начинал с того, что патрулировал у границ СССР с ядерным оружием на борту, а теперь стоял в активном резерве, президент вдруг подумал, что сейчас они не смогли бы построить такой самолет. Конечно... и Конгресс не выделил бы денег на такую программу... но если бы и выделил – все равно не смогли бы. Как-то все измельчало... все без исключения. Они больше не могли строить ни поражающие воображение небоскребы, ни громадные корабли, ни автомобили для обычного работяги по шесть метров в длину, ни такие вот самолеты. Теперь они живут от обрыва до обрыва... бюджетного, конечно, воюют с бородатými, завшивленными подонками и проигрывают войну, и покупают машины, расходующие по три литра на сто километров. Америка больше не град на холме... и еще один раунд войны она просто не выдержит...

Вечером по спецсвязи доложили, что террористических актов больше не было. Президент поужинал с дежурной сменной авиабазы в столовой для летного состава и лег спать на подстеленной летной куртке.

Утром точно такой же «Лирджет», как тот, на котором везли президента, совершил посадку на базе. На самолете прибыл Стив Рикерт, помощник советника по вопросам национальной безопасности, который привез последние новости из Вашингтона.

Президент принял его в комнате для инструктажа, закры-

той по этому случаю. На часы встали бойцы Группы безопасности ВВС, охранявшие базу.

– Итак, на этот час считаются погибшими, – начал помощник советника по вопросам национальной безопасности, – два президента США, один из возможных кандидатов на следующих выборах от Республиканской партии, директор Национальной разведки, директор Национальной тайной службы, министр обороны, командующие морской пехотой, ВВС и флота – то есть трое командующих из четверых. Погибло все руководство ЦРУ, включая директора, обоих заместителей, начальника штаба, начальника управления по борьбе с терроризмом и почти все начальники подразделений. Из Конгресса погиб спикер Сената, лидер оппозиции в палате представителей, на данный момент среди погибших опознано восемь конгрессменов и одиннадцать сенаторов. Из других тайных служб: погибли директор АНБ, двое заместителей директора ФБР, в том числе заместитель директора по вопросам борьбы с терроризмом, директор Секретной службы. Из Кабинета: погибли заместитель госсекретаря, посол США в ООН, ваш советник по вопросам национальной безопасности, три губернатора штатов. Исполнительный комитет Республиканской партии погиб в полном составе, партия обезглавлена. Оставшиеся – близкие друзья семьи, в основном адвокатура, лоббисты, силовые структуры.

Президент ничего не ответил.

– Сэр, нужно произвести назначения... – осмелился ска-

зять Рикерт.

– Спасибо, я знаю, – сказал президент, – я напишу список.

08 июня 2015 года.

Москва, Шереметьево-два

Как только стали известны подробности о взрыве, Вова понял, что надо немедленно бежать. Прямо сейчас, пока не поздно.

С...а траханая! Подстилка! Тварь психованная!

Ему хотелось плакать от горя. Как же все несправедливо! Ради чего он учился на факультете госуправления! Ради чего он подставлял... ради того, чтобы сейчас бежать, как испуганному звуками рога оленю?

Он ведь всегда был за Россию. И за вертикаль. Никогда ничего не говорил и не имел против. Всегда делал то, что положено. Унижал и издевался над слабыми. Пресмыкался и отламывал куски сильным. Интриговал против равных. Всегда делился, если ему на стол попадал кусок. За что его так, за что?!

Он был ничем не лучше и не хуже других. В школе над ним издевались, называли «жиртрестом», поэтому он ходил в спортзал, чтобы похудеть... но получалось не очень. А потом и вовсе забросил – понял, что бабам главное не фигура, а деньги и возможности. В армию не пошел – в армию только лохи ходят, а он не лох. Родители дали взятку и на армию, и на то, чтобы поступить на престижный факультет госуправ-

ления. Отец был префектом одного из районов города Москвы и деньги имел. От взяток, конечно, а от чего же еще.

Так ковалась элита.

В университете он понял, что главное не только госуправление, главное – политика. Только политика дает возможность быстро, до тридцати лет, занять вожделенный кабинет в Кремле или на Старой площади. Отец этого не понимал, он был внутри системы – но он был чистым хозяйственником, не политиком, он даже боялся политики как способа быстро и навсегда оказаться в немилости. Но он политики не боялся, он готов был рискнуть.

Поэтому он начал заниматься общественной деятельностью на факультете. Его заметили – как общественника пригласили в Кремль, предложили первые роли в новом «молодежном проекте» партии власти. Была одна загвоздка – чтобы участвовать в этом проекте, надо было стать не просто «своим», а в доску своим. А чтобы стать в доску своим – надо было стать гомосексуалистом.

Он немного подумал и решил, что несколько минут позора стоят блестящей карьеры. И согласился. Несколько минут позора растянулись дольше, чем он рассчитывал. Так получилось, что он понравился одному из чиновников, тоже стремительно идущему вверх, – и больше двух лет сожительствовал с ним. Потом он получил вожделенное место в Администрации, а его гомосексуальный партнер нашел себе нового мальчика.

Уже после всего этого он понял, в чем смысл. Это что-то вроде инициации, понимаете? В системе власти, которую строили эти люди, – многое было на словах. Люди не могли прямо, законно контролировать то, что имели, а в последнее время и через офшоры работать тоже было опасно. Президент, который сейчас, по слухам, был при смерти, – был отнюдь не в восторге от получившейся в стране вертикали. А после события на Болотной он возненавидел ее, зная, что часть чиновников из этой вертикали моментально начали тайные переговоры с представителями оппозиции о том, чтобы влиться в состав нового правительства в случае победы или хотя бы получить возможность скрыться с награбленным. Добрые люди из ФСБ и Службы безопасности президента положили Папе на стол распечатки телефонных переговоров и интернет-переписки. Эта готовность моментально переметнуться даже к откровенно слабому, имеющему весьма призрачные шансы на победу врагу взбесила Папу настолько, что он начал наносить удар за ударом по системе, вышвыривая людей с должности и лишая «источников пропитания» целые кланы – после чего их с радостью разрывали на куски другие. Беда была в том, что систему Папа знал на зубок, до самых ее потаенных мест. Он знал, что стоит только найти в органах ФСБ, МВД, Генпрокуратуры свору молодых и голодных, показать им «вот этих можно, фас!» и сказать «что отберете, то и ваше будет» – и все. Конец. Разорвут на части. Из глотки вырвут, с руками оторвут, не посмотрят на

семьи. Чиновники часто держали «белые и пушистые» фирмочки – небольшой бизнес для жены, для детей, на случай, если все отнимут. И это отнимут! Какой бы белой и пушистой ни была отчетность – отнимут, найдут из-за чего. Когда карьеристам предоставляется с самого верха законная возможность разорвать начальника в клочья, никто не откажется от этого.

Потому что их система построена на ненависти, злобе и унижении. На праве унижать и обязанности унижаться. Все они – от последнего клерка и кончая самыми верхами, были молодыми и голодными и, судя по возрасту и по трудовой книжке, поднялись наверх быстро и во многом незаслуженно. Все они в детстве недоедали, и их никто не научил, что такое добро, потому они хапали так жадно и потому унижали тех, кто внизу. Для этого и нужен гомосексуализм – как в тюрьме. Это и готовность пойти на все, переступить через свое естество, через все моральные нормы, устанавливаемые обществом, бросить обществу вызов, плюнуть в него. Это выражение высшей преданности начальству – точно так же на Востоке рабы вставали на четвереньки у кареты визиря, чтобы их спина послужила ступенькой. И одновременно это фундамент, залог того, что когда они, те, кого самым прямым образом отымели, поднимутся наверх, тоже не будут творить добро, а будут так же унижать и опускать других, желая отомстить за свое унижение. Так работала система – настоящий гнойник на теле России, и тому, кто все это при-

думал, явно нашептывал сам Сатана, что делать...

Сейчас он поднялся почти на самый верх, но именно что «почти». Он знал еще об одном правиле системы – таком же жестоким и беспредельным, как и сама система. У каждой проблемы есть фамилия имя и отчество. У каждой катастрофы есть фамилия, имя и отчество. Никто не будет заставлять тебя отвечать по мелочам, уходить в отставку, как в странах Запада... господи, один чиновник дипломную списал, другой вроде как на государственном вертолете на шару слетал, если за это увольнять, так работать некому будет. Так вот – тебе будут помогать, в крайнем случае – переведут на другое теплое местечко. Но иногда бывает нужно кого-то сдать. По-настоящему сдать. И если выбрали тебя, то ты должен принять и признать все, что на тебя навесили, что свое, что чужое, отдать все что есть и смиренно идти на каторгу, не пытаясь сопротивляться. Так ты обеспечиваешь иллюзию самоочищения – а на самом деле выживаемость системы. Эта чудовищная система сложилась еще при Сталине, когда с чиновников требовали ответа, а сейчас тоже требовали, но далеко не всегда. И тем более не разбирались, виновен человек или не виновен. Просто иногда требовалось принести жертву.

Вот они и принесут сейчас в жертву. Его.

Но он не собирался это просто так принимать...

Уйдя с работы пораньше, он бросился домой. Домом у него была квартирка на Чистых прудах – небольшая, но в

элитном доме и очень дорогая. Было что-то вроде негласного приказа – не шиковать, но смотрели на метраж квартиры, а не на то, где она расположена. Теперь придется ее бросить, хотя... черт его знает. Если Папа помрет – все может быстро и кардинально измениться. Может, ему даже удастся сделать следующий шаг...

В машине – время было рабочее, пробки были не особенно чтобы сильные, это когда все с работы или на работу едут, Москва встает – он достал наладонник. Удобная штука, лет пять назад и подумать было нельзя: тонюсенькая книжка, и ты все время в Сети. Набрав нужный адрес, он ждал, пока подгрузится приложение... подгрузилось. Посмотрел рейсы – есть подходящий. Чертыхаясь, натыкал свои данные, оплатил с кредитки. Москва – Париж, вылет через три с половиной часа. Электронный билет – тоже удобно, распечатывать даже ничего не надо, просто тебе распечатают купон прямо у стойки. Три с половиной часа – и прощай, ненавистная Россия. Там, в двух банках – лежит немного на жизнь. Миллиона три евро. Деньги обесцениваются, зараза, но если скромненько жить – хватит. Можно будет на Лондон выйти, предложить свои услуги кому надо в качестве посредника – может, и заинтересуются, отломают немножко. В конце концов – они там все по пятнадцать лет кукуют, их в Москве никто не помнит, ни к кому не подкатиться. А он многое знает и многих знает... вхож, в общем. Может еще пригодиться... делу возрождения демократической России...

– Спасибо, здесь остановите...

– Пожалуйста, дарагой...

Его аж передернуло. Черные... понаехали. Никакого спасу от них нет.

Дал денег, вышел из машины. Поковылял домой, приглядываясь – машины с лишними антеннами, фургоны с высокими кузовами и глухими стенками, стоящие непонятно зачем, – все это сигналы опасности. Но ничего подобного не было – лишь проезжали обтекаемые, разноцветные машины, новехонькие – и все это казалось чужим каким-то, наигранным, непостоянным.

Поднялся наверх, когда открывал дверь – сердце замерло. А вдруг дома уже дожидаются. Но нет – никого нет, тишина, только пыли много. Домработница заболела.

Начал кидать в сумку для тенниса все, что под руку попадет, предварительно вытряхнув оттуда все принадлежности, потом рассмеялся. Господи, чего это он?! Он же радоваться должен. Еще три часа – и он не вернется больше никогда в эту быдластую страну, где дорожные лимузины шкандыбают по разбитым дорогам, где последний лох на «Приоре» считает своим долгом не уступить «мерсу» с мигалкой, где твоя баба, которую ты драл во все дыры, вдруг пошла и подорвалась вместе с президентом. Где в ресторанах обслуживают так, как будто делают тебе великое одолжение, где хаят по поводу и без, где все стоит денег, где нельзя расслабиться и просто жить ни на минуту, ни на секунду. Он возь-

мет те деньги, которые он вырвал отсюда, и уедет. И будет жить в стране, где все вежливы и никто не отравлен бациллой вселенского равенства и перманентной революции, где утром моют тротуары с мылом и бесплатно предлагают булочку собственной выпечки, если ты закажешь кофе – просто из желания сделать тебе приятное, а не в расчете на то, что ты останешься и закажешь большой завтрак. Он просто плюнет на все и на всех и будет жить в нормальной, не искалеченной сотней лет вялотекущей гражданской войны стране, и хрен кто и когда его выдаст оттуда. Потому что там хорошо понимают, что они – люди, а здесь – двуногое, жаждущее мщения зверье. И зверью на расправу никто и никого оттуда не выдает.

С этого момента его действия стали осмысленными, а на лице прописалась улыбка. Он опустошил все заначки, какие у него были на черный день, открыл сейф и ссыпал в отдельный мешочек все, что показалось ему ценным – кольца, запонки, подаренная серебряная фляжка. Проверил кредитные карточки – наличкой деньги нельзя вывозить, поэтому обязательно должна быть кредитка. Взял самый дорогой костюм из всех, которые у него были, из Лондона, с Гермини-стрит, и упаковал его. Взял несколько наборов из трусов и носков, мыльно-рыльные...

Сел в холле...

Прощай, немытая Россия. Как же я тебя, б... ненавижу...

Вышел. В последний раз запер за собой дверь. Осторожно, как мышка из норы, выглянул во двор – чисто. Ничего и никого, только какая-то бабка из старых, со своей собачкой, которой давно бы пора и подохнуть. Бабке, не собачке. Лет под девяносто, а вон, шкандыбает, старая. Воздух переводит...

Вышел на улицу, огляделся. Увидел неспешно катящийся «Форд Универсал» желтого цвета с шашечками, махнул рукой.

Водила был украинцем. Болтал без умолку на своем убогом диалекте...

По радио давали новости...

...Правительство США подтвердило тот факт, что бывший президент США Джордж Герберт Уокер Буш скончался в Москве после покушения на него, предпринятого вчера в гостинице «Метрополь». О состоянии президента России ничего неизвестно, но официальные власти опровергают информацию о том, что президент мертв либо находится при смерти. Как уже ранее сообщалось, спецслужбам России и США уже удалось установить местонахождение и ликвидировать часть террористической группы, ответственной за покушение. Лидер террористической группы, гражданин России Хадуллаев Леча Салманович, вице-чемпион мира по кикбоксингу, при задержании оказал сопротивление и был уничтожен. Генеральная прокуратура Рос-

сии возбудила уголовное дело по статье «террористический акт»...

– Вот шо делают, гады... – возмутился водитель и даже ударил от избытка чувств рукой по баранке. – Шо им не жидется как людям, а? Вот как раньше жили, а? Ни тебе взрывов, ни тебе чего. Приехал в Москву, в Мавзолей сходил, в ГУМ свернул, все тихонько, культурненько. А сейчас... Тут взорвали. Там убили. Щас менты опять зверствовать на дороге будут, пашешь, пашешь, тут на лапу, там за квартиру – и что остается? Шиш да маленько! Да еще эти. Нет, вот таких вот – вешать надо. А вы как думаете...

Владимир не ответил.

– Вот чего им только надо. Говорят, баба подорвалась – наша была. Красивая. И чего ей не жилось? Хоть как – да все равно пожить-то хочется. Не...

Владимир молчал. На горизонте уже виднелся стеклянный прямоугольник Шереметьево-два...

Еще раз – на измену подсел у стойки «Эр-Франс», когда, нервничая и потея, ждал билета. Все-таки раньше... купил билет – вот он. Деньги заплатил – вот они, в руках их держишь. А сейчас – туда ткни, сюда ткни. Ни денег, ни билета нормальных. А если не туда ткнул? Сиди, кукуй...

Девица – высокая, с длиннющими ногами, восточным разрезом глаз, какая-то нацменка (за щеку бы присунуть) – посмотрела на его паспорт.

– Не распечатал я билет. Некогда было...

– Все в порядке, не переживайте. Сейчас посмотрим...

Сердце замерло.

– Да... бронь подтверждена. Минуточку...

Из принтера с тихим шорохом выскользнул купон.

– Ваш билет, господин Екимов. Можете присесть вон там, как только будет посадка на рейс, мы вас позовем.

Володя подхватил сумку, потея, двинулся в указанном направлении. Плюхнулся в кресло ВИП-зала.

Еще немного. Еще чуть-чуть...

Напротив сидела баба. Как назло – длинноногая, блондинка, похожая чем-то на Алёну. Холёная, ухоженная, наверное, летит в Париж на шопинг, вытянув из своего папика на поездку. Или насосала...

Тварь, что же она так-то...

Что ей не нравилось? Он начал вспоминать... его вполне могли назначить на должность Представителя президента по Северному Кавказу. И он уже почти... думал, чтобы сделать ей предложение, потому что, начиная с определенного уровня иерархии, на неженатого смотрят как на потенциального предателя. Это еще с КГБ осталось, там неженатых за границу не выпускали. Неженатому чего – подхватился и пошел. А у женатого – семья, дети. А кому еще предложение делать – не этим же соскам-секретуткам. А Алёна – не только от... ать, но и слово дельное сказать может, и в прессу протолкнуть что надо. Да и привык он к ней...

Тварина...

Чего не хватало? Может, врут, не она была. А зачем врать? Она, не она. Не дочка чья-то, чтобы врать. И чего она?

Базарили по тихой, что она после того, как... увидела тогда, в общем, у черной масти по рукам пошла. Да только такое про любого сказать могут, если каждому верить. Ну, может, легла под кого-то черного – чтобы его забыть.

Не, ну гадина! Так подставить человека! Лучше бы она его клофелином опоила и всю квартиру вынесла. Лучше бы она его на пленку записала, что он по пьянке трепался, и потом все это в Интернет сбросила. Господи, да лучше бы он ее своими руками задушил, и то лучше было бы. Черт его знает... подумают, что он убил Папу... за такое на краю света достанут.

Объявили посадку. Москва – Париж. Он понял это по тому, что люди вокруг стали подниматься. Пospешил следом, потной рукой нащупывая в кармане дипломатический паспорт – ему через «зеленый коридор».

Народу в «зеленом» было совсем немного. Он пристроился к коротенькой очереди, нервно нащупывая потной рукой паспорт – как вдруг почувствовал, что кто-то встал сзади, кто-то большой и сильный. Прежде чем он успел понять, что это значит, рука легла ему на плечо.

– Гражданин Екимов?

Рванулся изо всех сил, но стоявший впереди молодой человек повернулся и дважды, как кувалдой, ударил его, в

пах и в живот. Чиновник упал на колени, давясь спазмами, кто-то профессионально схватил его за обе руки и вздернул вверх. С двух сторон разом – цепкие руки прошерстили карманы, похлопали по поясу – на случай пояса шахида.

– Чисто.

– Чисто.

– Сворачиваемся. В машину его. Дим, сумка...

Двое – нагнув раком, вывели его в зал ожидания и то ли повели, то ли потащили к машине...

– Я сотрудник Администрации Президента! – вскричал Володя, немного отдышавшись от боли. – Член партии «Единая Россия»! Это какая-то ошибка!

Сильная рука рванула его руку вверх, вызвав очередную вспышку мучительной боли.

– Шагай, пидорюга! – Голос спецназовца из группы захвата был полон ненависти. – Член партии, на... Щас мы тебя по ошибке вместо Лефортово в бутырский петушатник определим, в общую камеру, там тебя быстро к делу пристроят. Шагай, мразь!

На зрелище – двое ведут какого-то жирняка, еще двое сопровождают – собрался народ. Люди останавливались, смотрели. Со смертной тоской Вова видел, что среди них нет ни одного сочувствующего лица, ни мужского, ни женского, ни старческого. Лица (какие лица? морды!) злобные.

Торжествующие – мол, попался, гад, не успел уйти. Холодно-непроницаемые – мол, придет наше время, ты еще не

так ответишь, будешь сапоги лизать, умоляя не расстреливать.

Зверье. Мрази. Твари. Как же я вас ненавижу! Будьте вы все прокляты! И ваша страна поганая – будь она навеки проклята...

Его быстро вывели под бетонный козырек. Распугивая резкими звуками крякалки таксистов, к стоянке подкатил «Мерседес Спринтер» – маршрутное такси, дверь открылась – и сильные руки приняли его, втащили в салон и плюхнули на то место, где ему и следовало быть. Лязгнули наручники.

– Чисто, товарищ майор.

В лицо ему посветили мощным фонарем.

– Он, гад.

– Все, двинулись. – Резкий командный голос. – Не ... тут маячить. Айрат, давай, давай. Живенько...

Машина тронулась с места.

– Один был?

– Так точно. Сумка еще была.

– Где?

– Да вот она...

– Хоть бы открыли, остолопы, – укоризненно сказал старший группы захвата, – может, он самолет взорвать решил? Ща рванет – мама дома услышит...

– Виноват. А...

– Да уж открывай. Было бы чо, он бы обосрался.

– Щас... – Звук молнии. – Ого! Решил на крыло встать,

скотина. Вон – цапки, мыльно-рыльные. Сорваться решил, гад.

– Удивительного мало. Значит – виноват.

– Не виноват я! – затравленно крикнул Володя. – Это она, проститутка! Я не знал ничего!

– Знал, не знал, следствие разберется. Лично я бы всех вас... на удобрения пустил. Вон, мамон нажрал – не согнуться. А толку от вас с гулькин хрен. Как творить, так горазды, как отвечать, так ссыте...

– Товарищ майор, он, кажется, и в самом деле... того.

– Вот козел. Дим, открой форточку. Да до конца, до конца...

Его привезли не в Лефортово и не в Бутырку – а на какой-то секретный объект в тихом районе Москвы. Высокий забор, старинный особняк болезненно-желтого цвета. Все стекла до одного – серебристые, тонированные.

Отстегнули, выгрузили. В небольшом дворике помимо их «Мерседеса» были еще две машины, «Шевроле Тахо» и минивэн, тоже «Шевроле». Очень дорогие машины – это либо СБП, безопасность президента, либо ФСБ, самая верхушка. Его тормознули... он так и стоял в мокрых, обоссанных штанах. На его глазах из особняка под руки – спецназовцы в камуфляже «серый волк» и в масках – вывели чиновника. Того самого, который поднял его и который был его однополым партнером два с лишним года. Тот посмотрел на него так,

что если бы Володя мог, то обоссался бы еще раз, но долго смотреть не дали. Втолкнули в машину и увезли.

– Шагай...

Его провели по коридорам. Втолкнули в какую-то комнату и усадили на стул, пристегнув наручниками. Коридоры в здании были узкими, ковры – красными, точнее, не ковры, а ковровые дорожки – и если не считать явно бронированных стекол, тут, наверное, ничего не изменилось со времен Советского Союза.

Стол. Старый, массивный, явно не современный. Сделанный тогда, когда не думали о рентабельности. Лампа с абажуром. Портрет – не поверите, Феликса Дзержинского. Господи, да тут, наверное, еще НКВД работало!

Так он и сидел, в обоссанных, воняющих штанах, ляжки жгло. Потом начал дергаться, ободрал кожу на запястьях – но вырваться так и не смог.

И так он сидел час. Потом еще час. Потом еще...

Потом открылась дверь, вошел человек. Худенький, пожилой, с красной папкой и очками на носу в советского образца оправе. Больше он похож был на горластого старичка-общественника с садоогорода.

– Я старший следователь по особо важным делам Генпрокуратуры России Пивоваров Константин Александрович, буду вести ваше дело.

– Какое дело?! Какое дело, позвоните Сивцову! Будет вам дело... вам такое дело будет! Вы на кого руку...

Старичок неторопливо сел, открыл папку. Шапку протокола допроса с ходу заполнять не стал, раскрутил колпачок на старомодной ручке.

– Не кричите так. Вопросы здесь задаю я. Вопрос первый – когда, где, при каких обстоятельствах вы стали агентом организации Имарат Кавказ, связанной с организацией Аль-Каида?

– Да как вы не понимаете! Это все она, стерва! Убью гадину! Я ее... как сидорову козу драл... а она...

– Она – это Шаламова Алена Владиславовна?

– Да! Я же говорю, я не знал ничего! Просто жил с ней... даже не жил, просто навещал, когда приспичит...

– Когда последний раз... приспичило?

– Да недавно! Еще сказал, что, может быть, меня полпредом на Кавказ назначат... думал, обрадуется... а она, мразь...

Следователь достал пачку сигарет, протянул одну задержанному:

– Будете?

– Не... Так вот, я говорю, я ей просто сказал... а она, гадина... Я честно не знал, товарищ следователь! Я не против России! На хрен мне все это, ну сами подумайте...

– Интересно... А вы еще что-то говорили Шаламовой... когда навещали ее?

– Ну да, говорил... – Володя начал вслух вспоминать и остановился только тогда, когда сказал уже слишком много.

– Что замолчали?

...Следователь открыл папку, достал пару фотографий.

– Смотрите! Вот это – Шаламова! А вот это – Абу аль-Салейхи, установленный агент кувейтской разведки! Ясно?! И вы – с ней говорили! А она – все рассказывала ему! Это ясно?

– Я...

– Мразь ты! И предатель! Хочешь жить – подписываешь! Нет – в расход. Думаешь, у нас мораторий соблюдается?¹ Хрен! Есть секретное распоряжение: всех, кто проходит с окраской «центральный террор»², – в расход. Цацкаться еще с вами... Вопрос второй. Кто еще кроме вас участвовал в организации покушения на президента Российской Федерации?

Никогда не говори Господу о своих планах, даже в молитве. Не давай повода для смеха...

Знаете, я ко всему еще и верующий. Не верите, да? Ваше дело. А я вот – верующий...

Когда разъяренная толпа «чехов» начала вскрывать заблокированную в селе машину, я понял, что все кончено. Дрянь дело. И нам всем конец. Действительно, конец. За все в этом мире приходится платить, нет ничего бесплатного, и сей-

¹ Мораторий на смертную казнь.

² Окраска «центральный террор» – то есть покушение на убийство высших должностных лиц государства. Дела высшего приоритета.

час платить придется нам. Причем платить полной мерой...

Но потом нас освободили. И я понял, что кто-то там, наверху, дает мне еще один шанс. Всего один. Который я должен использовать.

Вы думаете, Господь хочет от нас, чтобы мы мирились со злом? Нет, он хочет, чтобы мы отвергали зло и противостояли злу. Кто как может...

Вот и я сейчас – противостояю злу.

Этот козел, который меня сдал, думаете, это личное, что ли? Нет, господа, ошибаетесь. Это очищение. И это искупление. Если бы эта тварь просто попыталась меня убить – я бы не был так зол. Но он привлек к этому делу тех, кто на другой стороне. Продажного мента со связями с душьем, еще какую-то мразь. Почему-то он подумал, что он – не в схватке, он выше ее, он может свободно выбрать сторону в этой борьбе. Но это не так. Мы сами должны поддерживать чистоту наших рядов так же, как это делают они. Это просто необходимо для выживания. Это личное дело каждого – наказать мразь рядом с собой. Фард айн...

Для того, чтобы произвести выстрел, нужно секунды три, в последний момент поправить точку прицеливания, задержать дыхание, успокоиться. Я бы попал в него, я бы однозначно в него попал, да вот вышла незадача. На второй секунде началось самое настоящее маски-шоу. Маски вы-

скачили и из дома, и из беседки – и в одно мгновение повязали и этого урода, и его охрану. Я уже обрабатывал спуск, еще миллиметр – и прогремел бы, точнее – прошелестел бы задушенный глушителем выстрел, еле удержал. Через прицел я наблюдал поразительную картину: высокопоставленный чиновник расплачивается за все содеянное. Ему не предоставляют адвоката, не помещают под домашний арест, не дают сбежать в Лондон. А тупо винтят рожей в пол и бросают в машину...

Удивительная картина по нынешним временам.

Ладно. Живи...

08 июня 2015 года.
Вашингтон, округ Колумбия.
Офис министерства
безопасности родины

Министерство безопасности родины, созданное в ответ на террористические акты одиннадцатого сентября, в результате террористической атаки на Буш-Билдинг в Лэнгли понесло относительно невысокие потери. Это было обусловлено тем, что изначально оно создавалось республиканцами, под республиканцев и для республиканцев, точнее даже – для неоконсерваторов, перекрасившихся леваков, пришедших к власти в стране. В отличие от ЦРУ, со времен его создания бывшего прибежищем для элиты, мальчиков из Лиги плюща, в черных шарфах, покуривающих сигареты с гвоздичным ароматизатором и голосующих только за Демократическую партию, МБР создавали рукастые парни с серьезно подорванными моральными ценностями... а часто и с полным их отсутствием. В ЦРУ один профессор – эмигрант из бывшего СССР назвал их «рукастыми большевиками», и недобрая кличка прижилась, потому что точно отражала суть этих людей и их главной мантры – цель оправдывает средства. Методы их и впрямь напоминали большевистские... даже не

то, как они поступали с врагами, а то, как они поступали или планировали поступать со своим народом. Так что было неудивительно, что демократы, сменив у власти республиканцев в девятом, устроили в МБР форменный погром. А на место министра взамен одиозного Майкла Чертоффа демократы поставили сначала Джанет Наполитано, бывшего прокурора Аризоны, а потом и вовсе Соломона Аренберга, профессора-советолога, доктора политологии из Гарварда, улыбочивого, обаятельного еврея, чьи предки приехали в страну свободных и отважных из России. Аренберг слыл либералом, за что подвергался критике со стороны правых и крайне правых. Но при этом как министр он был вполне эффективен – за счет того, что умел чисто по-еврейски находить выходы из самых безвыходных ситуаций.

Поскольку в США был объявлен красный, последний уровень террористической опасности, простая поездка министра на работу превратилась в целый спектакль. За ним выслали пять машин, две из которых были «Хаммеры» морской пехоты из подразделения, расквартированного в Вашингтоне. С пулеметами. Морские пехотинцы квартировали в Вашингтоне едва ли не с самого основания морской пехоты, дом командующего считался исторической и архитектурной достопримечательностью, казармы морской пехоты располагались всего в нескольких кварталах от Белого дома. Обычно морские пехотинцы исполняли парадно-церемониальные функции, но с введением красного уровня угро-

зы парадные подразделения заменили отряды безопасности, названные FAST – Fleet Antiterrorism Security Team. Теперь они усиливали охрану высших должностных лиц страны, а у Белого дома и у Военно-морской обсерватории скрытно поместили подразделение «морских котиков» из Литтл-Крик. Правда, президента в Вашингтоне пока не было, делами занимался вице-президент, уже поднявшийся из бункера и в свойственной ему циничной манере заявивший, что ему так и так недолго осталось, так что террористов он не боится...

Аренберг жил в дорогом пригороде Вашингтона вместе с семьей. Семья была большая и по-еврейски дружная – четверо детей и уже семеро внуков. Глядя на то, как Нина, младшая, сажает внуков в черный «Субурбан», чтобы везти их на занятия в школу, Аренберг едва не расплакался. Морские пехотинцы, пулеметы на машинах... да что это со всеми с ними такое? Кто-нибудь хоть понимает, насколько все это ненормально – блокпосты на дорогах с морскими пехотинцами, бронетехника. Как получилось так, что внукам нужна бронированная машина, чтобы просто добраться до школы?

Но он быстро подавил в себе это. Не время раскисать.

Пока его эскорт, сильно напоминающий времена Багдада, катился по тихой улице с названием «Кленовая», мимо флаштовиков с американскими флагами и матерей, сажающих своих детей в машины, чтобы везти на учебу, – Соломон Аренберг набрал номер телефона своего офиса. Он предпочитал быть в курсе того, что происходит, еще до того, как он сту-

пит на порог бывшей психиатрической больницы³ и дела обрушатся на него, подобно тонне кирпичей.

– Дайна, что нового? – спросил он свою секретаршу, которая была с ним еще с университетских времен.

– Пока ничего такого, сэр. – Дайна отлично знала, по каким поводам следует беспокоить шефа, а по каким нет. – Есть немного новых данных из России, но без прорывов. АНБ работает по записи, но пока ничего нового.

– Хорошо.

– Да, и еще, сэр. Звонил Натан, просил срочно связаться с ним.

Аренберг скривился – Натаном звали недавно назначенного директора МОССАДа. По странному стечению обстоятельств, тоже бывшего университетского профессора, даже читавшего в США лекции по ближневосточному урегулированию. По этой причине он считал возможным звонить своему коллеге едва ли не каждый день. Сол Аренберг недолюбливал и МОССАД и Израиль вообще – потому что эти наглые засранцы считали, что если ты еврей, то ты им по жизни что-то должен. На деле же от Израиля была одна головная боль.

– Поговорю с ним позже.

Он сбросил звонок, набрал новый телефон – человека, на-

³ Вашингтонский офис МБР действительно находится в сильно переоборудованном здании бывшей психиатрической больницы.

зываемого Царь разведки⁴, теоретически – начальника над всеми ими. Теоретически – потому что фактически он им не был, для того, чтобы быть, нужно было иметь не только полномочия, прописанные в законе и президентских директивах, но и неслабый аппарат, хотя бы сильных аналитиков. Ничего этого у Царя разведки не было.

Трубку взяли не сразу – долго переключали. Они уже выбрались на кольцевую...

– Гас, это Сол.

Директором Национальной разведки во времена Буша был Джон Негропonte – он-то и был первым Царем разведки. Грек по национальности, сын дипломата, он сильно запачкался во время службы в Госдепартаменте, когда служил послом в Центральной Америке и не брезговал лично присутствовать во время пыток и жать руку полицейским мясникам, которых там хватало. Джордж Буш именно поэтому и поставил его Царем разведки – он не гнушался никакой, самой грязной работой. Впрочем, о покойных либо хорошо, либо ничего.

Сейчас Царем разведки был Гас Холлидей, бывший посол в Багдаде и Саане. Отношения с Аренбергом у него были хорошие.

– Ты где сейчас?

– Еду на работу. А ты?

⁴ Так и называется «intelligence czar». Правильно – директор Национальной разведки.

– В военно-морской обсерватории.

– Выбрались из подземелья?

– Да, выбрались. Ты видел?

Несмотря на то что предмет разговора не был обозначен, оба отлично понимали, о чем идет речь. Вчерашнее видео, выброшенное в Youtube.

– Да. Дерьмо еще то...

– Это мягко сказано.

– Мы выходим на тропу войны? – невинно поинтересовался Сол.

– Тут вопрос, – сказал Холлидей. – Мы не можем там активно действовать. Кое-кого уже начинает трясти – и думаю, со временем будет только хуже.

Сол промолчал. Он знал, что у ЦРУ была отдельная линия, по которой они очень активно сотрудничали с русскими последний год. Даже предоставили им технологии ограниченного доступа, позволившие им провести первую успешную операцию с использованием вооруженного беспилотника. Но вот какие решения будут приняты сейчас...

– Флешлайт⁵ уже здесь?

– Нет. Планирует прибыть после полудня. И лучше было бы, если бы у тебя было что ему сказать, Сол.

Это значило, что МБР становится головным в расследовании, и Холидей их поддержит в этом. Другое вряд ли могло быть – ЦРУ сильно пострадало, а ФБР не имеет достаточно-

⁵ Маяк, жаргонная кличка президента США, точнее одна из кличек.

го опыта в работе за рубежом. Хотя они, конечно, будут пытаться перетянуть одеяло на себя...

– Я понял. Спасибо.

– Если что-то будет – звони немедленно.

– Договорились.

Черт возьми. Россия!

Он не воспринимал Россию как родину или даже как бывшую родину – но он понимал, что это необычная страна. Страна, которая никогда не согласится с тем, чтобы быть на вторых ролях. Сейчас проблема была не только в России – но и в них тоже. Они привыкли к простым решениям... Россия либо друг, либо враг. А здесь простых решений нет, зато – Аренберг, опытный политолог с чисто еврейским чутьем на неприятности, чувствовал, что ставки в игре высоки, выше, чем когда бы то ни было. Если Россия и США сейчас договорятся и сумеют работать вместе – они смогут так же договориться и завтра и послезавтра. Если же нет...

Нужен человек.

В холле – длинные больничные корпуса были выстроены на склоне холма посреди очень живописной местности – стоял портрет Майкла Чертоффа, бывшего министра, тоже ставшего жертвой террористической атаки в Лэнгли. Портрет был представительский и изображал пожилого человека в дорогом костюме с фанатичными глазами церковного инквизитора. Как и положено, угол был затянут черной лентой,

рядом, стояли цветы, правда, немного.

Аренберг прошагал мимо, не оглядываясь...

Он хотел позвать Натана Майера, одного из своих доверенных лиц в министерстве, но тот ждал его сам, в приемной. Аренберг бросил взгляд на дорогой «Ролекс», оставшийся с профессорских времен, – до оперативки немного времени еще было. Кивнул.

– Нашел? – спросил он, едва за ними закрылась дверь.

– Кое-что нашел... – Майер, как и Аренберг, был выходцем из России, его родители бежали сначала из Одессы во время революции в России, а потом из Франции во время гитлеровской оккупации. Он приблизился к столу и с победным видом шлепнул на него скоросшиватель с личным делом. – Один.

– Только один?

Майер подмигнул:

– Зато какой...

Аренберг открыл папку. Пробежал глазами досье. Закрыл.

– Ну? – Майер, как и Аренберг, говорил по-русски, у обоих в семьях сохранился этот язык. Благодаря этому Майер попал на работу в ЦРУ, где его едва не сожрали местные бюрократы.

– Он не профессионал, – сказал Аренберг.

– Не профессионал?! – обиделся Майер. – Это как понять? Парень, прошедший Афганистан, Ливию, Сомали, –

не профессионал? У него благодарности командования, отметка о прохождении дополнительных курсов ФБР.

– Черт возьми, ты хорошо знаешь, о чем я говорю! Он не разведчик, а военный полицейский. Это не пойдет.

– Ты не прав. – Майер благодаря личной дружбе мог сказать директору и такое. – Здесь нам как раз нужен полицейский, а не разведчик. Хорошее полицейское расследование. К тому же – у него очень подходящая фамилия, ты не заметил?

– Думаешь, это что-то изменит? Помимо того, что в Белом доме встанут на дыбы? И в Гувер-Билдинг тоже.

– Вообще-то он прошел контрразведывательную проверку, нет? И он, кстати, занимался борьбой с проникновением агентов повстанцев в силы безопасности в Ираке, это чистая контрразведывательная работа, причем в горячей точке и очень высокого уровня.

Аренберг задумался:

– Где этот парень сейчас?

– В Норфолке. Я попросил, чтобы его придержали.

Старый еврей улыбнулся.

– Ну ты и поц. Ладно, после оперативки заведи его ко мне. Только не через приемную.

На столе замигала лампочка – Дайна предупреждала о том, что начальники отделов собрались на оперативку.

– Выйди там... – Аренберг показал на дверь в комнату отдыха...

Обратно старый одесский еврей появился через два часа, таща за собой на буксире подтянутого, чрезвычайно загорелого человека, которого нельзя было назвать ни молодым, ни человеком средних лет. Выглядел он достаточно молодо, еще больше его молодила короткая армейская стрижка, но слишком много загара на выдубленной ветрами коже и показное (именно показное, Аренберг насмотрелся на такое) спокойствие в глазах наводило на мысль, что этому человеку уже к сорока...

– Вот... садитесь... так сказать... – Майер привычно квохтал, обычный способ отвлечь и заболтать человека. Его не воспринимали серьезно – а когда те, кто не воспринимал его серьезно, понимали свою ошибку, бывало уже поздно.

– Садитесь, будьте... как дома... Сейчас чайку...

Аренберг пытливо посмотрел на человека... он не был профессиональным разведчиком, но университет научил разбираться в людях. Аренберг был ученым и одновременно опытным педагогом – а это неплохой фундамент для карьеры разведчика.

– Your name and surname? – спросил он.

– Efimoff. Daniel Efimoff, sir...

– Дэниэл – это ваше настоящее имя? – Аренберг перешел на русский язык. – Или есть и русское имя?

Гость улыбнулся.

– Бабушка звала меня Даниилом, сэ. Родители – уже нет.

– Но русский язык вы знаете, верно?

– В нашей семье его не забыли. . .

– Кто были ваши предки. . . я правильно говорю?

– Вполне нормально, сэр. Мой прадед – Авенир Ефимов, белогвардейский офицер. Он бежал в Сан-Франциско.

Аренберг понимающе кивнул. Он знал, что «белогвардейцами», Белой гвардией, назывались солдаты и офицеры русской армии, оставшиеся верными законному правительству России и выступившие против большевистского вооруженного мятежа. Большевики разбили их – и они были вынуждены бежать, в том числе и в США. Многие пошли на службу и стали действительно хорошими гражданами.

– Я вас понял.

Майер принес чай.

– Ваше звание?

– Лейтенант-коммандер военно-морского флота США, сэр.

– Служба внутренних расследований.

– Так точно. Подразделение Джулиет⁶, заместитель командира.

Аренберг отхлебнул чай – как и всегда, Майер сделал слишком крепкий. Американцы так чай не пьют, как русские, русские пьют его горячим и очень крепким, а американцы – ледяным, со льдом и мятой, как коктейль. Чай же, заваренный Майером, можно было есть, а не пить – он всегда

⁶ Реально существующее подразделение.

говорил на эту тему: «Евреи, не жалейте заварки!» И смеялся.

– Сколько вам лет?

– Тридцать четыре года, сэр.

Аренберг вздохнул.

– Перестаньте называть меня сэр, здесь не армия. Вы догадываетесь, зачем мы вас вызвали?

– Полагаю, что да, сэр.

– Да... сложно не догадаться. И кто я такой, вы тоже знаете?

– Несложно догадаться, сэр.

Министр снял очки и положил на стол.

– Мы многое знаем о вас, командер, но при этом вы вряд ли много слышали обо мне. Полагаю, будет нелишним сказать вот что. До своего назначения на этот пост я был обычным ученым-политологом, специализировался на изучении Советского Союза, России, постсоветских государств. Так что эта земля – земля и моих предков тоже – знакома мне не понаслышке.

Как и вы, я ненавижу коммунизм, считаю его злом и бедой для тех, кто знает о нем не понаслышке. Семьдесят с лишним лет Россия жила под коммунистическим игом, из них двадцать с лишним лет в стране правил Джозеф Сталин. Трудно оставаться нормальным человеком в стране, где четверть века правил Джо Сталин. Но в девяносто первом году русские сказали, что с них хватит, и отправили коммунизм

на свалку истории. И что же сделали мы? Вместо того чтобы поддержать их, помочь окончательно избавиться от коммунистического наследия, построить нормальное государство и общество – мы начали высматривать, что плохо лежит, и отправлять им советников, которых следовало бы посадить в тюрьму, а не отправлять в посткоммунистическую страну представлять Америку.

После одиннадцатого сентября Россия оказала нам помощь в нашей борьбе с террором. Пусть не солдатами – но мало кто знает, насколько ценна была эта помощь, и на первом этапе, и на последующих. Россия не стала помогать нашим врагам, она помогла нам. Вместо того чтобы проявить благодарность, мы позволили себе критиковать и издеваться над этой страной, помогать ее врагам, демонстративно не принимать во внимание ее интересы. Некоторые из людей, которые делали это, два дня назад присутствовали в Лэнгли на погребальной церемонии.

Сейчас, командер, настает третий, возможно, что и последний тайм этой игры. Политика, проводимая нами последние двадцать лет, привела к тому, что мы потеряли всех своих друзей, приобрели немало новых врагов, и сейчас с трудом встаем на ноги после нокаута, отплевываясь кровью. Мы уже не можем действовать так, как действовали раньше, потому что каждое наше действие, даже правильное и оправданное, вызывает злорадство у одних и откровенную ненависть у других. Мир ждет, пока мы поскользнемся, Дэниэл.

– Я... понимаю, сэр.

– Вы служили в боевых условиях?

– Да, сэр. Сначала Ирак, потом Афганистан.

– Расскажите, – попросил министр, – что вы там видели?

Молодой офицер задумался.

– Что я там видел, сэр? Кучу хороших парней, которые искренне верили, что делают там добро этим несчастным людям. Кучу этих же парней всего через несколько месяцев – циничных, озлобившихся, потерявших веру и идеалы и просто старающихся выжить, выстрелить первыми. Знаете, сэр... мне приходилось исполнять миссии law and order, арестовывать тех, кто позволял себе лишнее... по отношению к иракцам. Больше половины из этих парней просто оказались не в том месте и не в то время или хотели сделать что-то, чтобы сегодня остались в живых они, а не те самые ублюдки. Большинство из их сослуживцев встречали нас с откровенной злобой и негодованием, они считали нас врагами.

– И вы привыкли к этому?

– К этому нельзя привыкнуть, сэр. Я дважды писал рапорт о том, чтобы перевестись в настоящую боевую часть, и в конце концов сказал – с меня хватит. Меня больше не посылали на такие миссии. Людей и так мало, и...

– Я так понимаю, вы перешли на охрану и даже занимались борьбой с враждебным проникновением.

– Да, это так, сэр. Помогал иракцам.

– Интересно. А Афганистан? Что можете сказать про

него?

– Это страшное место, сэр. Как воронка. Если иракцев можно было назвать нормальными людьми, просто где-то были неправы мы, а где-то они, – то Афганистан – это место, от которого надо просто держаться подальше. Там живут люди, которые являются людьми только внешне, а в душе они настолько чужды нам, что ни о какой совместной работе не может быть и речи. Эту страну нужно бомбить, сэр.

– Смело, – оценил Майер. – Есть основания для таких утверждений?

Молодой офицер задумался.

– Это было в двенадцатом году, сэр. Провинция Хост, одно из самых страшных мест на Земле. Прямое проникновение – горы, несколько дорог, а с той стороны зона племен, место, где экстремистами являются даже дети. Границу контролирует афганская пограничная полиция. Полностью коррумпированная, а часть из полицейских – это боевики, которые скрыли свое прошлое и получили регулярное жалование и легальный статус. Мы встретились у здания, в котором находилась администрация провинции, на встрече были мы и афганские офицеры, мы должны были помочь им стать чем-то нормальным... выполнять те функции, которые они и должны были выполнять. Когда совещание закончилось, мы вышли на улицу. И тут один из полицейских офицеров забрался в кузов полицейского пикапа и окатил нас градом

пуль пятидесятого калибра⁷. Двоих американцев и нескольких афганцев разорвало на куски, один парень погиб рядом со мной. Не было никакого скандала, никакого конфликта, он пил с нами чай, курил сигареты и говорил, как хочет, чтобы на его многострадальной земле наконец-то наступил мир. А когда мы вышли на улицу – он попытался нас убить. Вот такие там люди, сэр, и это далеко не единственный случай.

Майер хмыкнул.

– Невесело.

– Это и есть невесело, сэр. Мы просто должны оставить ублюдков в покое... рано или поздно, они сами перебьют друг друга, если им не мешать. Выставить санитарный кордон... кордоны со всех сторон и спасать то, что еще можно спасти. Не стоит тратить время на афганцев, сэр, их уже не спасти.

Министр кашлянул.

– Сэр!

– Будьте любезны... подождите за дверью.

Офицер поднялся. Отдал честь и вышел.

– Дилетант... – сказал Майер, – мальчишка.

– Ну почему же, – сказал Аренберг, – ты не заметил в нем одну черту, которой, кстати, нет у нас с тобой?

– ???

– Он верит, что что-то еще можно спасти. В то время как мы знаем, что спасти уже ничего невозможно. Можно только

⁷ Реальная история.

попытаться сократить потери...

Майер не нашелся, что ответить.

– Звать?

– Зови...

09 июня 2015 года. Вашингтон, округ Колумбия. Белый дом. Пенсильвания-авеню, 1600

Мы неотъемлемая часть исламской Уммы. Меня огорчает позиция тех мусульман, которые объявляют врагами только тех кафиrow, которые на них напали непосредственно. При этом ищут поддержки и сочувствия у других кафиrow, забывая, что все неверные – это одна нация. Сегодня в Афганистане, Ираке, Сомали, Палестине сражаются наши братья. Все, кто напал на мусульман, где бы они ни находились, – наши враги, общие. Наш враг – не только Россия, но и Америка, Англия, Израиль, все, кто ведет войну против ислама и мусульман...

Докку Умаров, Амир моджахедов Кавказа, предводитель Джихада

Оперативное совещание, посвященное совершенному три дня назад террористическому акту, состоялось во второй половине дня девятого июня, тогда, когда оттягивать дальше было уже нельзя, первичной информации скопилось более чем достаточно, а политологи настоятельно порекомендовали президенту вернуться в Белый дом. Практически в тот же самый час уровень террористической угрозы был понижен с красного до желтого, обычного для наших беспокойных

дней, – но совещание и необходимость возвращения президента в Вашингтон никак не были связаны с этим. Просто политические советники крайне настоятельно порекомендовали главе государства вернуться в Вашингтон, чтобы показать нации, что главнокомандующий по-прежнему находится у руля. Действующему президенту было, в общем-то, все равно, он дослуживал свой второй срок, возможности идти на третий не было, равно как и желания, но он послушался своих советников, ибо политическая жизнь в Вашингтоне не заканчивалась и выборы шестнадцатого года могли дать самые неожиданные результаты.

Так получилось, что террористический акт не был сравним с событиями 9/11 по тяжести последствий и символизму: согласитесь, что взорванное здание в зоне особого доступа совсем не то же самое, что два охрененно больших небоскреба, рушащихся на глазах у всего мира. Но этот удар многократно превосходил предыдущий по тяжести последствий для системы безопасности США – фактически она была пробита насквозь, а главные действующие лица ее погибли в адском костре, в который за доли секунды превратился конгресс-холл здания контртеррористического управления ЦРУ. Трехдневная задержка была обусловлена в том числе и этим – президент решал, кого можно привлечь к работе взамен погибших и как минимизировать причиненный вред. Итогом стало решение привлечь к работе «звездный состав» – профессионалов времен начала GWOT, которые

по тем или иным причинам оказались в отставке и теперь могли подхватить выпавшее из ослабевших рук звездно-полосатое знамя.

ЦРУ, понесшее наибольший ущерб – фактически оно было обезглавлено, – представляли двое: Роберт Гейтс и Стивен Кейпс. Первый – легенда в мире разведки, человек, имеющий больше наград за отличие в разведдеятельности, чем любой другой человек из живущих или умерших, бывший министр обороны, по продолжительности полномочий уступивший лишь знаменитому Роберту Макнамаре из команды Кеннеди, человек, не менее тридцати лет занимавший высшие посты в системе национальной безопасности. Человек, воочию наблюдавший крушение монстра – Союза Советских Социалистических Республик – и в девяносто втором ступивший на Красную площадь со словами: «Здесь я совершаю одиночный парад победы нашей», доктор философии, специалист по русской литературе и истории. Второй – также доктор философии, профессиональный разведчик, бывший резидент в нескольких странах, в том числе в России, в Москве, затем заместитель директора ЦРУ, опынейший аналитик. Министерство обороны представляли не менее именитые люди. Комитет начальников штабов – пока неофициально – представлял четырехзвездный генерал Дэвид Петреус, бывший директор ЦРУ, бывший командующий войсками в Ираке и Афганистане, ушедший в отставку в результате того, что кто-то вывалил на пол целую корзи-

ну грязного белья. Силы спецназа представлял его друг, сослуживец, человек, возглавлявший операцию по ликвидации Усамы бен Ладена, бывший боец военно-морского спецназа, контр-адмирал Уильям МакРейвен. Этого убрали в отставку по политическим причинам – позволил себе сказать лишнего в присутствии журналистов в отношении вице-президента – жесткого и обидчивого Джозефа Байдена. Но теперь нужны были они все.

ФБР представлял действующий директор, Роберт Каган, он был одним из немногих спецслужбистов высшего уровня, который решил не ехать на церемонию прощания с бывшим президентом и потому остался в живых. Невысокий, даже щуплый, в очках и с улыбкой пресвитерианского пастора – он не выглядел опасным, но те, кто начинал играть с ним в игры, быстро убеждались в том, что первое впечатление бывает очень и очень обманчивым. С ним приехал еще один человек, одна из легенд в мире разведсообщества США. Филипп Магд, бывший заместитель директора ФБР по борьбе с терроризмом, один из ведущих специалистов в США по исламской террористической угрозе.

Министерство безопасности родины не представлял никто. АНБ – Агентство национальной безопасности – представлял заместитель директора, двухзвездный генерал Роберт Кормли. Директор АНБ погиб, и кого назначать на этот пост, президент пока не имел ни малейшего понятия. Кроме того, присутствовал Генеральный атторней и юридический

советник президента.

– Джентльмены...

Президент вошел в ситуационный центр, расположенный в западном крыле Белого дома, один, без государственного секретаря, также погибшего, и без советника по вопросам национальной безопасности, бывшего на сей момент неизвестно где. Морской пехотинец – в связи с резким усилением террористической угрозы президента охраняли теперь не только специалисты Секретной службы, но и морские пехотинцы – закрыл за ними дверь.

Все поднялись.

– Я... предлагаю почтить память погибших молитвой, – сказал президент. – Кто прочтет?

Все молчали.

– Разрешите, я, сэр... – сказал контр-адмирал МакРейвен, младший по званию в этой комнате.

Президент кивнул, разрешая.

Все склонили головы. Контр-адмирал негромко и не совсем складно прочел простенькую молитву, такую, какую могли бы читать солдаты, отправлявшиеся за океан. Молитва была без вычурности, от души – такая, какая и была нужна сейчас, чтобы хоть ненадолго вернуться в нормальный мир из того, в который их выкинуло одиннадцатого сентября.

– Спасибо, друг...

Президент часто употреблял это слово. Именно так он называл контр-адмирала, когда тот был в Джелалабаде, а он сам

был в Белом доме и давал зеленый свет операции, приведшей к ликвидации Усамы бен Ладена. «Все в твоих руках, друг», – сказал он.

Все в наших руках...

Все сели.

– Что произошло? – спросил президент. – Кто-то может толком сказать, как это могло произойти?

Все взгляды уперлись в директора ФБР, организации, наверное, лучшей на планете среди правоохранительных органов. Тот неловко поднялся.

– Сэр, по делу работают лучшие оперативники и криминалисты, мы уже добрались до эпицентра взрыва, извлекли тела и примерно восстановили картину...

– Сколько погибших? – спросил президент.

– Извлечено двести восемьдесят одно тело, сэр. Двести сорок уже опознано...

– Твою мать... – не сдержался МакРейвен.

Директор ФБР неодобрительно посмотрел на контр-адмирала – он был прихожанином Голландской реформистской церкви и неодобрительно относился к мату – и продолжил:

– Уже сейчас мы можем достоверно говорить о том, что эпицентр взрыва находился у самой кафедры, у трибуны. Мощность взрыва довольно велика – не менее двадцати фунтов мощной взрывчатки.

– Семтекс? – поинтересовался Петреус.

– Нечто другое, сэр, более мощное. Мы считаем, что

это был модифицированный гексоген. Модифицированный с целью повышения мощности взрыва. Маркеров нет – но по картотеке мы установили, что это взрывчатое вещество производится в России на государственных химических заводах. Используется только в армии, ни для каких горных и прочих работ не используется. Чрезвычайно мощная и устойчивая к различным воздействиям взрывчатка.

– Россия... – недовольно сказал Кейпс.

– Вытопили из неразорвавшегося снаряда, – скорее не спросил, а предположил утвердительным тоном вице-адмирал, долгое время воевавший на фронтах GWOT и приобретший чрезвычайно широкие познания относительно изготовления и применения IED, самодельных взрывных устройств.

– Возможно, да, сэр, мы сейчас собираем всю открытую и закрытую информацию об этом типе взрывчатки, до какой только можем дотянуться.

– В любом случае, бомбу собирал профессионал, – сказал вице-адмирал. – Извлечь из снаряда взрывчатое вещество, да так, чтобы снаряд не рванул, потом еще перетопить – для этого нужен солидный опыт.

– Вероятно, сэр. Вопрос в том, как туда попала бомба.

Директор ФБР выдержал короткую паузу.

– Мои криминалисты еще не дали юридически значимого заключения, при столь мощном взрыве это представляет большую сложность. Но мы достоверно можем сказать, что эпицентр взрыва примерно совпадает с тем местом, где сто-

ял или должен был стоять гроб с телом президента. Таким образом – нам не остается ничего, кроме как предположить, что взрывчатка была либо в теле, либо в гробу.

– Но как это возможно? – недоуменно сказал президент. – Как она могла туда попасть? Получается... она что – попала туда еще в Москве?

– Мы сейчас проверяем самолет командующего СЕНТ-КОМ, сэр, на котором тело было доставлено в Соединенные Штаты. Потребуется немало времени, сэр, – это боевой самолет, на нем могли перевозить все, что угодно. Мы конфисковали катафалк, на котором тело было доставлено в Лэнгли, криминалисты сейчас работают, разбирают машину по винтикам. Пока ничего не обнаружено...

– Разрешите?

– Да, Стивен.

– Если эпицентр взрыва совпадает с расположением гроба с телом, – заговорил Стивен Кейпс, один из двоих присутствующих аналитиков, – значит, нам ничего не остается, кроме как предположить, что взрывчатка была либо в гробу, либо в теле, либо в постаменте. Какого типа постамент использовался, на чем стоял гроб?

Гейтс пожал плечами.

– Насколько я помню, – продолжил бывший директор ЦРУ, – специального постамента для этих случаев у нас никогда не было, использовали пару подходящих стульев, накрывая их национальным флагом. Если это не изменилось с

тех пор, как я покинул стены Лэнгли, – это значит, что в постаменте взрывчатки быть не могло. Ее просто не могли пронести в Лэнгли – там строгий пропускной режим, в том числе детекторы взрывчатки. Да и... сколько взрывчатки можно незаметно поместить в стуле? Фунт? Два? Никак не двадцать. Остаются либо гроб, либо тело.

– А если взрывчатку поместили открыто? – спросил Гейтс. – Ты же сам сказал, что стулья накрыты флагом.

– Да, но как ее пронесли? Какая гарантия, что стулья не захотят переставить перед тем, как ставить гроб. Двадцать фунтов – солидный вес, сразу будет заметно, что что-то не то.

– Согласен. Остается – либо гроб, либо тело.

– Кто осматривал тело? – спросил президент. – Есть какая-то процедура?

Все переглянулись.

– Хорошо, сейчас...

Президент встал со своего места, выглянул в коридор. И вернулся вместе с начальником дежурной смены охраны, здоровяком по имени Джим, бывшим нападающим в американском футболе...

– Джим, есть пара вопросов к тебе. Сможешь ответить как эксперт?

– Постараюсь, сэр...

Агент Секретной службы чувствовал себя не в своей тарелке – он не раз присутствовал на подобного рода совеща-

ниях, но никогда не имел на них права голоса. Не видеть, не слышать, не говорить – вот чему их учили.

– Что будет, если меня убьют? – предельно ясно поставил вопрос президент.

– Сэр?

– Есть какая-то процедура, что-то в этом роде? – нетерпеливо спросил президент. – Что будут делать с телом?

– Сэр, мы должны немедленно доставить вас в госпиталь в Бетезде... точнее, ваше тело... извините, сэр.

– Не извиняйся, черт тебя дери. Что, если это произойдет за границей?

– То же самое, сэр. Как можно быстрее в аэропорт, либо в посольство, если, скажем, идет война или беспорядки и аэропорт недоступен.

– Так... а если я буду ранен, что делать?

– Сэр, в дежурной смене всегда есть опытный парамедик, и...

– Если это не помогает, если парамедик не может помочь. Давай, соображай, мы не просто так тебя спрашиваем.

– Да, сэр. При любом визите – частью его обеспечения является медицинское обеспечение. В каждом населенном пункте, который вы намерены посетить с визитом, мы подбираем лечебное учреждение на такой случай, иногда и несколько. Совместно с местными службами безопасности проводим стандартную проверку. Завозим туда лекарства, набор проверенных лекарств и несколько пинт крови вашей

группы, сэр, на случай, если потребуется переливание. Где это возможно – мы держим наготове вертолет на случай медицинской эвакуации. Если что-то случилось – мы немедленно доставляем вас в больницу...

– Я... ну или мое тело, если все совсем плохо – могут остаться без наблюдения?

– Простите, сэр?

– Конкретный вопрос – врачи могут вшить в мое тело двадцать фунтов взрывчатки?

Начальник смены вытаращил глаза.

– Нет, сэр.

– Ты уверен?

– Абсолютно, сэр. По протоколу – кто-то из нас должен постоянно держать вас в поле зрения, такой порядок, сэр.

– Ну а если врачи попросят вас выйти? Надо сделать операцию... что-то в этом роде?

– Это невозможно, сэр. Даже в операционной должен быть кто-то из нас. Мы можем переодеться, вымыть руки, надеть халат – но кто-то из нас должен быть постоянно с вами, сэр. Это такое правило.

– Значит, это гроб, сэр, – заключил Кейпс.

– И такой порядок во всей Секретной службе? Я имею в виду – работа с президентом в отставке...

– Да, сэр.

– Ты уверен?

– Да, сэр, протокол всегда один. Я знал того парня, ко-

торый обеспечивал безопасность мистера Буша... Мартин Фитцуотер, сэр. Настоящий профессионал, и он всегда делал все по правилам. Да, сэр, все по правилам...

Было видно, что агент едва сдерживает себя.

– Нам всем тяжело, Джим, – заметил Гейтс.

– Да, сэр.

– Еще один вопрос, Джим, – сказал президент. – Если меня убьют, где вы возьмете гроб? Насколько я помню, в ВВС-1 гроба нет.

– Нет, сэр! – сказал начальник смены.

– Тогда где вы его возьмете? Предположим, это произошло в Москве. Ведь вы же не повезете тело в брезенте или полиэтиленовой пленке?

– Нет, сэр.

– Так где вы возьмете гроб?

Начальник смены замялся.

– Вообще-то, этот вопрос при обеспечении безопасности не рассматривается, сэр. Если Москва... Москва крупный город... вероятно, обратимся в посольство, чтобы они подыскали приличное похоронное агентство. И там закажем гроб... пусть временный, только чтобы довезти тело до США. Накроем его флагом. Как-то так, сэр.

– И гроб, конечно, никто не проверит, – мрачно заключил Кейпс.

– А чего его проверять? – заключил Гейтс, человек проницательный и сохранивший всю остроту ума, несмотря на

возраст. – Все дерьмо, которое могло случиться, уже случилось, и все по уши в дерьме. Конечно, гроб никто не проверит.

– Есть, наверное, какие-то детекторы в посольстве... на входе, – сказал Кейпс, – но если взрывчатку, точнее взрывное устройство, заложить уже на стадии изготовления гроба, обеспечить его герметичность – детекторы не сработают. А посольство наверняка работает только с одним похоронным агентством, с которым они и раньше имели дело, – например, если приходилось отправлять тела погибших американцев на родину. Если что-то работает хорошо – зачем это менять, на хрен.

– Спасибо, Джим, – сказал президент. – Вы нам очень помогли...

Темная комната. Черный флаг с белой вязью шахады: «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед Пророк Его». Вооруженные автоматами Калашникова люди в масках.

«Бисмилло р-рахмону ир-рахим...» – Мерзкий, гнусавый голос. Президента передернуло – он бы предпочел никогда этого не слышать.

Заставка. Горы, флаг с бегущим волком. Двадцать девятое раджаба одна тысяча четыреста тридцать шестого года хиджры. Четырнадцатый год исламского сопротивления...

«Во имя Аллаха, милостивого и милосердного...»

Роберт Гейтс, свободно владеющий русским языком, пе-

реводил. Террористы говорили не на арабском, а, что было совсем непривычно – на русском.

«...мы, муджахеды Имарата Кавказ, – обновляем тавбу⁸ шейху Айману аль-Завахири, амиру Аль-Каиды, да приответствует его Аллах, и признаем, что являемся частью Аль-Каиды, действуем только по воле Аллаха и являемся солдатами Аллаха, ведущими войну против неверных везде, где бы те ни ступили на землю мусульман. Аллах Акбар!»

Несколько секунд молчания.

«Мы знаем о том, что американцы являются неверными, объявившими войну Умме⁹, на руках которых кровь миллионов мусульман. На руках американцев – кровь наших братьев, сражавшихся и продолжающих сражаться на фронтах джихада в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливане, Пакистане и везде, где идет джихад. Много лет назад американцы обещали избавить нас от пяты русистов, но не выполнили свое обещание, и в том нет ничего удивительного, ибо они неверные, а значит – предатели и лжецы.

Американцы сказали, что Аль-Каида побеждена, но крах Аль-Каиды – это миф, очередная их ложь, призванная прикрыть поражения, которые они терпят в войне с нами. Мы и есть Аль-Каида. Нас десятки тысяч, а скоро будут – сотни тысяч и миллионы. Мы объявляем американцам и всем их приспешникам войну и будем убивать их везде, где только

⁸ Клятву верности.

⁹ Исламскому сообществу.

ни встретим, на Кавказе, в Русне или где-либо еще, иншаллагъ. Ни моря, ни границы не спасут вас от возмездия, иншаллагъ, которое падет на ваши головы за наших братьев, ставших шахидами на пути Аллаха.

Мы признаем... – спикер немного замялся, но тут же продолжил, – берем на себя ответственность за истишхадию, совершенную милостью Аллаха в Москве несколько дней назад. Нашим храбрым братьям и сестрам удалось поразить сразу двух предводителей неверных, да покарает их Аллах. Один из них уже проследовал в ад, где он сполна получит то, что заслужил за издевательства и убийства мусульман, второй вскоре последует за ним, иншаллагъ!

Мы также принимаем на себя ответственность за операцию, совершенную день спустя в Вашингтоне, в здании Лэнгли, в ходе которой отправились в ад несколько сотен американских муртадов, каждый из которых был лично виновен в смертях сотен мусульман, в издевательствах над мусульманами. Воистине, Аллах дал нам победу над неверными, заслуженную двумя десятилетиями крови и мучений. Аллаху Акбар!»

Американцы, сжав кулаки, слушали видео, выброшенное в Ютуб день назад. В чьей-то руке хрустнул карандаш.

«Мы призываем всех братьев, тех, кто сидит дома, – выходить на пути Аллаха и сражаться с неверными везде, где их встретите, убивать их, уничтожать их имущество, сеять среди них страх – ибо победа близка, иншаллагъ. Хвала Алла-

ху, мы увидим еще более удивительные победы, дарованные им верному ему воинству, как бы силен ни был враг – никто не может быть сильнее Аллаха и воинов его. Вставайте на джихад, братья. Убивайте русистов, убивайте американцев, лишайте их имущества! Приходите к ним в дома, убивайте их женщин, детей, убивайте всех, кого встретите, – тем самым вы лишь отомстите за то, что они делают с мусульманами по всему миру, воздадите им подобным. Убивайте неверных, убивайте их пособников, сражайтесь с любыми безбожниками и убивайте их. Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед Пророк Его. Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!»

Запись оборвалась...

– Что такое истишхадия? – спросил президент после долгого молчания.

– Самоубийственный теракт с использованием смертников, если я еще помню веселые времена Ирака, сэр, – ответил генерал Петреус. – Это часть джихада...

– Да, спасибо...

И снова молчание...

– Сукины дети... – недобро сказал МакРейвен. – Мрази конченные. Это можно прекратить, только вбомбив ублюдков атомными бомбами обратно в каменный век. Твари...

– Я согласен на «Предатор», – сказал Петреус, – только побольше. И без правил, мать их.

– Придите в себя, – одернул самый старший из всех, Гейтс. – Это Россия, не Пакистан. Там только птицы лета-

ЮГ...

– Поставить вопрос перед русскими, с кем они? – задумчиво сказал Кейпс, бывший морской пехотинец и резидент в Москве. – В конце концов, должны же они как-то отвечать за то, что развели у себя эту гребаную заразу, нет? Пусть допустят наши силы к проведению операций на Кавказе, пусть поделятся информацией.

– Они уже ведут операции на Кавказе, – сказал Гейтс, человек, который работал и министром обороны, и директором ЦРУ.

– Они – это не мы!

– Да, они пока держат Кавказ, в то время как мы уже унесли ноги и из Ирака, и из Афганистана, – согласился Роберт Гейтс. Доктор философии, специалист по русской истории, он если и не любил Россию, то, по крайней мере, старался относиться к ней объективно. И знал о ней многое такое, чего другие предпочитали не знать.

Никто ничего не ответил.

– Кто это такие? – спросил президент. – Как они там оказались, мать их? Почему мы ни хрена не слышали о них до этого? Как мы умудрились все это проморгать?

Заговорил Кейпс, бывший резидент в Москве.

– Сэр, это долгая история...

– А я никуда не тороплюсь... – повысил голос президент.

– Сэр, в начале девяностых от России фактически отделилась небольшая республика на Кавказе, называемая Чече-

ния. Ее населяли чеченцы, воинственный народ горцев, покоренный русскими две-три сотни лет назад, но не смирившийся с оккупацией. Как только Чечения объявила о независимости, – русские начали карательную операцию против них. Это был одна тысяча девятьсот девяносто четвертый год¹⁰.

– И мы начали помогать этим горцам, так? – осведомился президент.

– Примерно так, сэр.

– Оружие, инструкторы?

– Нет, сэр, просто международное давление на Россию. Она тогда была намного слабее, чем сейчас, их армия отступила с территории Чечении после ряда поражений и серьезных потерь. Русские за два года войны потеряли едва ли не больше, чем в Афганистане. И с девяносто шестого по девяносто девятый год Чечения стала почти полностью независимой, переименовавшись в Ичкерия. Но пошла по неправильному пути.

– На поклон к террористам.

– Да, сэр, к ваххабитам, – подтвердил Кейпс. – Но их можно было понять. Россия объявила им блокаду и отказалась сотрудничать. У них практически не было промышленности, не было выхода к морю, население надо было чем-то кормить. Они обратились к Кувейту, Саудовской Аравии, ОАЭ.

¹⁰ Рассказ идет от имени американца, который к тому же хочет избежать ответственности за ошибочные решения.

И те им помогли.

Глядя на помрачневшего президента, Кейпс перестал докладывать.

– Продолжайте, Стивен, продолжайте...

– Да, сэр. В обмен на помощь они открыли в горной части Чечении лагеря подготовки террористов. Часть террористов выехала в Афганистан, в Пакистан, в Сирию, – потом мы встречались с ними и в Афганистане, и в Ираке, из всех иностранных наемников они были самыми опасными. В Чечении побывали и Усама бен Ладен и Айман аль-Завахири. Айман аль-Завахири в девяносто седьмом был задержан русскими пограничниками за переход границы без документов, несколько месяцев содержался в следственном изоляторе, но был отпущен – русские не смогли его идентифицировать, и у них против него не было ничего, кроме нелегального пересечения границы. Они отпустили его, и он скрылся.

– Твою же мать, – снова не сдержался адмирал МакРейвен.

– Потом, в девяносто девятом году, Чечения, ставшая Ичкерией, напала на Россию. Путин бросил на них русскую армию, и русские на сей раз одержали победу, ликвидировав Чечению, точнее – включив ее опять в свой состав и переманив на свою сторону нескольких особо авторитетных полевых командиров в обмен на амнистию. Но остатки бандитов стали террористами и открыли против России террористическую войну, которая продолжается до сих пор.

– И мы поддерживали их, так?

– Сэр...

– Давайте уж честно! – Президента прорвало. – Мы снова вступили в то же самое, мать его, дерьмо, в вонючую и мерзкую кучу дерьма. Мы стали поддерживать повстанцев против центральной власти, не замечая того, что они на самом деле – террористы и исламские экстремисты. Я нигде не ошибся?

– Сэр, они не сразу стали исламскими экстремистами. Первоначально они были борцами за свободу, и только в середине нулевых они стали провозглашать исламские лозунги.

– А Усама бен Ладен был там пятнадцать лет назад!

– Сэр, тогда его никто не разыскивал. Мы все считали его...

– Господин президент... – сказал Роберт Гейтс, – в задачу ЦРУ как разведывательного ведомства входит в том числе и ослабление врагов Соединенных Штатов Америки, как реальных, так и потенциальных. Россия представляла и представляет для США потенциальную угрозу, нам надо было что-то, чтобы торговаться с ними. За карточный стол не садятся без карт, сэр. Управляемый конфликт – одна из козырных карт. Если кто-то должен понести ответственность за это...

– Речь не об ответственности, – сказал президент, – я просто пытаюсь понять, как так получается, что те, кому мы помогаем, – вдруг становятся террористами и начинают уби-

вать нас. Почему так происходит, а?

Молчание...

– Сэр. Имарат Кавказ включен в список террористических организаций Госдепартаментом США пять лет назад, – сказал Кейпс, – и мы помогли русским...

– Проехали...

Снова молчание.

– Что мы можем с этим сделать? – спросил президент. – Какие у нас возможности есть в этом регионе?

– Сэр, насколько я помню, есть две эффективные стартовые площадки в непосредственной близости, – сказал адмирал МакРейвен, опытный оперативник и бывший командующий SOCOM, объединенным командованием специальных операций. – Первая и лучшая – это Грузия. Небольшая страна, образовалась после распада СССР, называется так же, как наша Джорджия. Горная, достаточно бедная, население около пяти миллионов человек. Бывшая советская республика, в середине нулевых там победили прозападные модернисты, после чего начали сотрудничество с нами. В том числе и по части сотрудничества в сфере безопасности. В восьмом году они попытались вернуть себе территории рядом с Кавказским хребтом, после чего Россия напала на них. После этого они углубили сотрудничество в военной области, отправили в Афганистан едва ли не больше своих людей, чем Германия. Сотрудничество продолжается и сейчас. Они пол-

ностью наши и граничат с перспективным ТВД¹¹. Кроме того, насколько мне известно, у них немало неплохих парней, которые прошли Афганистан, знают английский, наши стандарты и процедуры – при этом многие из них знают и русский, а также местные языки. Если мы не планируем...

Адмирал сделал паузу, но президент предпочел ее не заметить.

– ...серьезное задействование американского персонала, то, полагаю, использование грузин будет оптимальным вариантом.

– И все будет хорошо, пока Москва не решит закрыть эту лавочку, – сказал Кейпс.

– Риски есть, – согласился МакРейвен. – Они усугубляются тем, что быстро оказать помощь мы не сможем. В Черное море мы не проведем наши авианосцы, Турция не согласится на это. Но все, в конечном итоге, зависит от России, мы вроде как ей услугу оказываем.

Вторая площадка – это Баку, Азербайджан. Тоже бывшая советская республика, дружественная. Больше, чем Грузия, и у нее есть нефть. Ее огромным плюсом является то, что она находится на берегу Каспия, огромного внутреннего моря. Дагестан – наша цель – вытянут вдоль Каспия, доступ не хуже, чем к Вьетнаму.

Напоминание было напрасным – Вьетнам в США никто не помнил и вспоминать не хотел. Что касается действий на

¹¹ Театр военных действий.

Каспии – то адмирал завел речь об этом не просто так. Изначально боевой пловец, он предпочитал иметь рядом море, чтобы уйти под воду, как только станет жарко. Он знал, что большинство обычных армейских офицеров не знает, как бороться с врагом, способным действовать как в воде, так и на суше. А SEAL – боевые пловцы американского ВМФ, – имея отличный подводный опыт, за последние пятнадцать лет набрались уникального опыта наземной войны. Если 1SFOD «Дельта» была ориентирована на Ирак, то «морские котики» с самого начала были закреплены за Афганистаном.

– ...Баку является дружественным нам городом, с отличной инфраструктурой, там построено немало отличных аэропортов, и каждый из них может быть стартовой площадкой. Баку – важный транзитный пункт в снабжении нашего афганского контингента, а теперь и баз в Средней Азии. Там есть международный аэропорт, и количество прибывающих иностранцев дает возможность затеряться нашим ребятам. К тому же в последнее время активно развиваются проекты по каспийской добыче нефти, там международные команды нефтяников, активное движение по акватории – залегендировать наши действия не составит труда, возможно, как-то удастся легализоваться даже в России.

– Звучит неплохо, – оценил президент, – а минусы?

– Минус первый. Азербайджану не нужны особо ни наши деньги, ни проблемы с Россией. Как только станет по-насто-

ящему горячо – они могут попросить нас покинуть страну. Минус второй. Эта страна контролируется Великобританией. Они там главные, насколько я знаю, и активные действия без их разрешения могут быть расценены как недружественный шаг.

Президент промолчал. Он знал, что с Великобританией не все так просто. В отличие от Америки у них было немало неофициальных и полуофициальных инструментов влияния, какие Америке даже и не снились. И сейчас, когда Америка стала изгоем всего мира, Британия осторожно, но все более и более настойчиво гнула свою линию.

– Итак, ваше предложение?

– Начать готовить инфраструктуру уже сейчас, сэр. Если будет принято решение – мы будем готовы перейти к активным действиям в очень короткое время. Если решение принято не будет – мы не совершим ничего противозаконного и сможем вовремя остановиться. Если не считать противозаконной, например, рыбалку в чужих территориальных водах. Что ж, если мы попадемся, пусть русские оштрафуют нас.

Смеха это не вызвало. Было не до смеха.

– Роберт?

Гейтс, самый опытный и мудрый из всех, улыбнулся перед тем, как заговорить.

– Я думаю, господа, что не все понимают, с чем мы имеем дело. Я вот тут собрал немного материала... исключительно из открытых источников.

Тонкие папки пошли по столу.

– Просто распечатки из Интернета... я попросил перевести с русского. Проблема Кавказа давно переросла в принципиально другую проблему – проблему исламизации и ваххабизации России. Да, все еще большая часть террористической активности приходится на регион Кавказа. Но распространение идет пугающими темпами. Русский Север, там, где русские добывают газ и нефть, – ваххабитские общины, радикально настроенные мигранты, штурмы и специальные операции в городах. Южная Сибирь. Ваххабитские общины в городах, в которых все большую и большую роль играют украинцы и этнические русские. Татария, часть России, интегрированная республика на Волге. Терроризм, ваххабизм, проникновение агрессивного ислама, появление ваххабитских общин, убийства мусульманских священнослужителей, не желающих поддерживать радикальный ислам. В прошлом году отмечено появление первых лесных банд, находящихся на нелегальном положении. Ульяновск, город, где родился лидер большевиков Владимир Ленин. В пенитенциарном учреждении заключенные при помощи навещавшего их священнослужителя создали ваххабитскую ячейку и приняли радикальный ислам. Наконец Москва. Не менее четверти населения тайно или явно исповедуют ислам, часть из них исповедует ислам радикального толка. Сильная межнациональная напряженность, агрессивные вооруженные группы крайне правых – и создаваемые в противовес им отряды во-

оруженных боевиков общин. Проникновение агрессивного ислама идет сразу по нескольким каналам – из стран Азии, из Кавказа. Все больше и больше радикальный ислам принимают этнические русские, которые до этого были ортодоксальными христианами¹² или атеистами. Я хочу показать вам, что нам придется иметь дело не с локальной проблемой, сконцентрированной на Кавказе, а с целой страной, зараженной ваххабизмом. Узел второй. В этой же папке вы найдете информацию об общинах выходцев с Кавказа, которые находятся в Европе и на Ближнем Востоке. Начнем с Европы. Только в Польше находятся, по меньшей мере, несколько тысяч чеченских беженцев, их количество посчитать сложно. Большей частью это лица, ранее воевавшие против русских в Чечне, принимавшие участие в террористических нападениях и акциях, после чего скрывшиеся в Европе от русских. Несколько тысяч – это самая скромная оценка, скорее всего их больше. По меньшей мере, какая-то часть из них поддерживает связи с исламским террористическим подпольем, продолжает придерживаться радикальных взглядов и готова к новым террористическим действиям. Скорее всего, еще более крупная группа беженцев с Кавказа осела на Ближнем Востоке. Они уже принимали участие в террористических нападениях на нас в Ираке, в Афганистане, они участвовали в боевых действиях в Ливии, в Сирии, в Мали и полностью интегрированы в международную террористическую сеть, в

¹² Православные.

ее структуры и организации. Таким образом, мы имеем дело с угрозой, локализованной не только на Кавказе, не только в пределах России – но с угрозой мирового уровня. И мы должны быть готовы к тому, что как только мы начнем действовать на Кавказе, в ответ мы получим новые террористические атаки по всему миру, ничуть не менее опасные, чем атаки Аль-Каиды. У меня все, сэр.

Президент молчал.

– Черт... сэр, вы так говорите, что хочется купить виллу на необитаемом острове... – пошутил Кейпс.

Но опять-таки было не до смеха.

Президент думал. Он пришел к власти, наследовав человеку, который начал войну в Ираке и в Афганистане, отстаивая ценности и интересы, которые он считал американскими. Он сам занимал этот пост только потому, что жестко и последовательно критиковал этого человека. Он пришел к власти с искренним намерением избавиться от страшного наследства, от двух кровавых войн и начать все заново. Он знал, в чем Америка все еще сильна. Они могли попытаться... да что там попытаться – они могли радикально удешевить процесс получения энергии... это было бы революцией, сравнимой с появлением компьютеров. Они могли бы продолжить компьютерную революцию. Они могли бы попытаться заново открыть для себя и для всего человечества космос, сделав космический полет такой же обыденностью, как полет на Гавайи.

А вместо этого у него столица страны, полная трупов. И страна, которая не может выдержать еще пятнадцать лет долгой и страшной войны. Они все загнаны в угол, и выхода нет.

Нет выхода...

Выход, конечно же, был. И президент, чужак до сих пор в Вашингтоне, человек, начинавший как организатор местных сообществ, ставший президентом с минимальным политическим опытом – то есть, еще зрячий и способный здраво мыслить, – его отлично видел. Начать сотрудничать с Россией. По-настоящему, без камня за пазухой, приняв Россию такой, какая она есть, и не пытаться изменить ее. Просто решать именно ту задачу, которую сейчас надо решать, – борьба с терроризмом на Кавказе. Не пытаться научить Россию демократии, не пытаться продвинуть тех в России, кто отстаивает интересы России и Америки. Великий демократический президент Рузвельт, единственный, который был избран на пост президента США целых четыре раза, – когда началась Вторая мировая война, начал сотрудничать с Джо Сталиным, одним из самых одиозных коммунистических монстров, которых когда-либо рождала земля. И он сотрудничал с ним, поставлял в СССР военную технику и снаряжение, координировал совместные операции, ездил на конференции, сидел с ним за одним столом, ждал руку и улыбался. И благодаря этому – обеспечил Америке шестьдесят лет процветания и доминирования в мире. А тех, кто был против сотрудничества с коммунисти-

ческой Россией, он просто послал в... Увы, он – не Ф.Д. Рузвельт. Он не может послать подальше свою партию с окопавшимися в ней многозначительными ублюдками – политологами, выходцами из стран Восточной Европы, ненавидящими Россию на генетическом уровне, он не может отнять золото у богачей и послать безработных американцев строить Гувер-Дам, чтобы отрабатывать пособие по безработице. Потому что он – президент двадцать первого века, а не двадцатого. Века, в котором не осталось великих людей, а есть только...

– Ублюдки...

– Простите, сэр...

Президент США понял, что сказал это вслух.

– Ублюдки. Те, кто это все устроил, – сказал президент. –

Ваши предложения по ситуации, Роберт, только конкретно.

– Пока начать сбор информации. Очень осторожно. Особое внимание я бы обратил не на саму Россию, а на Ближний Восток и Европу.

– Вот как? – сказал заместитель директора АНБ, до этого молчавший.

– Да, джентльмены, именно так. Видите ли, русские никогда и ни в чем не знают меры. Строя капитализм, они взяли из него все самое худшее и практически ничего из лучшего. Если мы хотим эффективно решить эту ситуацию – нам придется торговаться. Очень хорошо торговаться. Они не будут сотрудничать с нами только потому, что это необхо-

димом для безопасности и процветания всего цивилизованного мира, они будут стараться получить что-то от нас в любой ситуации. Они не знают, что это такое – поступать правильно. Проще говоря – они будут торговаться даже над гробом. Для торга нам нужно иметь нечто вкусное для русских, то, что они не смогут получить без нас.

Президент кивнул, выражая согласие.

– Угроза для них – это те чеченцы, дагестанцы и прочие кавказцы, которым удалось ускользнуть из страны и которые осели либо на Западе, либо на Востоке. Они не могут добраться до них. Когда они попытались добраться до Яндарбиева, то получили чувствительный щелчок по носу и оставили ситуацию в покое. Но проблема эта существует – и принести головы их врагов им на блюдечке можем только мы. Тем более, как сейчас оказалось, это и наши враги тоже.

– Среди них есть полезные нам люди, – с сомнением в голосе сказал Кейпс. – Тут важно не переборщить, потому что, лишая Россию актуальных угроз, мы лишаемся и каких-либо рычагов воздействия на нее. Кроме того, я хотел бы напомнить, что русские не прекратили политику ликвидации врагов за рубежом, они просто переложили ее на руки лояльных им чеченских лидеров. Мы должны помнить, что, если Россия нам не враг, то уж и не друг точно.

– Ради бога! – сказал Гейтс. – Вы о чем, Стив? Вы думаете, у нас сейчас проблемы? Нет, у нас не проблемы, так – мелкая пакость. Всего-то взорвали Буш-Билдинг, полный народу. А

вот если в России какой-нибудь ублюдок с фамилией на «-ов», тайно принявший ислам, доберется до пульта управления ядерным оружием и его не успеют остановить – вот это и будет проблема. Самая настоящая...

Президент поднял руку.

– Достаточно. Ваше мнение, Роберт?

Директор ФБР немного смутился. В отличие от многих, он не имел практически никакого отношения к GWOT. Но мнение у него было.

– У меня два замечания, джентльмены. Первое – произошло убийство. Пусть массовое, но все же убийство. Значит, и расследовать это надо как обычное убийство. Мы подберем лучшую бригаду криминалистов и пошлем ее в Москву. В конце концов, русские не могут публично отказываться от нашего права расследовать убийство.

– Они будут лгать, Роберт, – устало сказал Кейпс, который немало времени провел в посольстве в Москве. – Они будут лгать так, как вам и не снилось. Они лживы по сути, коммунистический режим искалечил их; чтобы выживать – приходилось лгать ежеминутно. И они научились лгать так, как вам и не снилось...

Директор ФБР отрицательно покачал головой.

– Ложь – это то, с чем мы имеем дело каждый день. Это наша работа – иметь дело с ложью. Вы думаете, убийцы не лгут? Мошенники не лгут? Растворители детей не лгут? Лгут, но не избегают наказания. Мы давно научились иметь дело

с ложью.

Президент кивнул.

– Мне это нравится. Вам нужна помощь, чтобы отправить бригаду в Москву?

Директор ФБР задумался.

– Скорее нет, сэр. У нас есть отработанная схема действий в таких ситуациях, в посольстве работают люди из ФБР. Мы не раз работали с русскими в совместных бригадах. Если они на сей раз откажутся – нужна будет помощь Госдепартамента.

Президент пометил в блокноте.

– А второе?

– Второе... Сэр, я христианин, и мне не нравится то, что я вижу каждый день. Для нас бородатый ублюдок, поджигающий колонну в афганском ущелье, – исламский экстремист, а тот же самый ублюдок, поджигающий танк в пригороде Дамаска, – борец за свободу. При том, что это один и тот же ублюдок, с одинаковыми биографией, убеждениями, стремлениями, намерениями. Это не может так продолжаться, сэр, пора определиться, на чьей мы стороне. Не слушай его, ибо он лжец и отец лжи, что у вас может быть с ним общего? На территории США под защитой ЦРУ находится ряд лиц, которые участвуют или ранее участвовали в бандитских и террористических действиях на территории третьих стран. В том числе и выходцы с Кавказа. ФБР считает, что эти лица представляют опасность для Соединенных Штатов. Я пред-

лагаю провести проверку этих лиц на предмет предъявления им уголовных обвинений, тем более что по законодательству США участие в террористических действиях на территории третьих стран является серьезным преступлением.

– Это преждевременно, – сразу сказал Кейпс.

– Вероятно, да, сэр, – поддержал его Гейтс. – Тогда мы не сможем эффективно работать дальше. Никто нам не поверит больше, если мы будем сажать в тюрьму людей, которым обещали укрытие.

– Отложим это до лучших времен, – сказал президент Соединенных Штатов. – Что же касается нашего текущего плана действий, то вот что я думаю...

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Документ подлинный

ОМРА № 1

Об образовании Имарата Кавказ

Именем Аллаха Милостивого и Милосердного

Осознавая всю ответственность перед Создателем и Господом миров

Выполняя предписание Аллаха (с.т.) – «Держитесь все за вервь Аллаха и не разделяйтесь» (Коран, 3/103)

В целях восстановления Шариатской легитимности государства перед Аллахом (с.т.), защиты жизни, свободы,

чести, достоинства мусульман и возвращения Кавказу статуса Дар-ус-салам (территории мира)

Постановляю

- 1. Образовать Исламское Государство – Имарат Кавказ*
- 2. Контроль за исполнением Омра оставляю за собой*
- 3. Омра вступает в силу с момента его подписания*

Амир Имарата Кавказ

Абу-Усман (Докка Умаров)

ОМРА № 2

О введении Шариатского правления на территории Имарата Кавказ

Именем Аллаха Милостивого и Милосердного

Осознавая ответственность перед Создателем и Господом миров

Утверждая Ля илаха илляЛлах

Исходя из предписания Всевышнего Аллаха (с.т.) – «А те, которые не судят согласно тому, что ниспослал Аллах – они есть неверные!» (Коран, 5/44)

Постановляю

- 1. Ввести Шариатское правление на всей территории Имарата Кавказ*
- 2. Привести в соответствие с требованием Шариата*

все государственные структуры Имарата Кавказ и их деятельность

3. Контроль за исполнением Омра оставляю за собой

4. Омра вступает в силу с момента его подписания

Амир Имарата Кавказ

Абу-Усман (Докка Умаров)

29 Рамадан 1428 года

ОМРА № 3

Об учреждении административно-территориальной единицы Вилайят в составе Имарата Кавказ

Именем Аллаха Милостивого и Милосердного

В связи с образованием Имарата Кавказ

Постановляю

1. Учредить в составе Имарата Кавказ административно-территориальную единицу Вилайят

2. Контроль за исполнением Омра оставляю за собой

3. Омра вступает в силу с момента его подписания

Амир Имарата Кавказ

Абу-Усман (Докка Умаров)

29 Рамадан 1428 года

ОМРА № 5

*Об административно-территориальном устройстве
Имарата Кавказ*

Именем Аллаха Милостивого и Милосердного

В связи с образованием Имарата Кавказ

На основании Омра № 3 «Об учреждении административно-территориальной единицы Вилайят в составе Имарата Кавказ»

Постановляю

1. Образовать в составе Имарата Кавказ следующие Вилайяты:

Вилайят Дагестан

Вилайят Нохчийчовь (Ичкерия)

Вилайят ГІалгІайчовь (Ингушетия)

Вилайят Иристон (Осетия),

Вилайят Ногайская степь,

Объединенный Вилайят Кабарды, Балкарии и Карачая

2. Контроль за исполнением Омра оставляю за собой

3. Омра вступает в силу с момента его подписания

Амир Имарата Кавказ

Абу-Усман (Докка Умаров)

29 Рамадан 1428

ОМРА № 6

Об учреждении института Валиев Вилайятов Имарата Кавказ

Именем Аллаха Милостивого и Милосердного

В связи с образованием Имарата Кавказ

На основании Омра № 3 «Об учреждении административно-территориальной единицы Вилайят в составе Имарата Кавказ» и Омра № 5 «Об административно-территориальном устройстве Имарата Кавказ»

Постановляю

- 1. Учредить институт Валиев Вилайятов Имарата Кавказ*
- 2. Контроль за исполнением Омра оставляю за собой*
- 3. Омра вступает в силу с момента его подписания*

Амир Имарата Кавказ

Абу-Усман (Докка Умаров)

29 Рамадан 1428 год

09 июня 2015 года.

Где-то в Подмоскowie

Государственные дачи чем-то до сих пор, но отличаются от частных особняков. Неуловимо – но отличаются...

Частные особняки – там все подчинено одному: удобству его обитателей. Там большой дом с бассейном, с садом, часто с теннисным кортом. Там лужайка, там часто – детская площадка, дорогая, не такая, как во дворах домов для простонародья. Иногда там даже бывает небольшой огородик – старые привычки умирают сложно, а многие из тех, кто владеет сейчас особняками, помнят еще голод и зарплату научного сотрудника, на которую только и купить, что несколько килограммов колбасы (если найдешь). Потому и живут такие люди торопливо и жадно, они стараются взять от жизни все, что не взяли в голодной юности, стараются успеть, пока Бог не призовет их к ответу. Конечно, не все такие....

Государственные дачи...

Скромные особняки на нескольких гектарах векового соснового бора или елового леса, отсыпанные песком тропинки, идеально заасфальтированные дороги. Дома чиновного вида, совершенно неприспособленные для нормальной жизни. Здесь нет ничего для детей, нет ничего для отдыха, и кажется, что живут здесь некие роботы-автоматы. Винтики.

Функции в анонимной и безжалостной государственной машине. Такие дома охраняются, и стоимость забора может превышать стоимость самого дома. Интимно-узкие, аккуратные тропинки в лесу прерываются полянками и небольшими прудиками, беседками, рядом с которыми уютно дымит мангал и сами собой появляются полные бутылки водки взамен пустых и закуска...

Черный «Шевроле Экспресс», принадлежащий УФСБ по Москве и Московской области, появился у ворот государственной дачи уже на следующее утро. Полковник, командовавший операцией, был лисом хитрым, опытным и соображал, что ночью начальство беспокоить не стоит, даже если операция и прошла успешно. А в Лефортово гостя оформлять было нельзя, потому что все надо было сделать тихо и незаметно. Так что ночь задержанный провел на собственной дачке полковника недалеко от Москвы, куда они зарулили, чтобы скоротать время, немного поесть и в кои-то веки раз по-человечески, пусть и по очереди, поспать. Их пленник, лежа в машине, за это время успел обмочить штаны, многое передумать и начать бояться. Страх созрел в нем как гнойный нарыв: ткнешь – и поплывет омерзительная жижа...

Такова была система, которую они сами создали и в которой жили. Каждый из них считал своим неотъемлемым правом не просто приказывать людям, не просто обирать людей, а унижать их, унижать даже без особой на то необходимости, плевать на них, лишать их человеческой чести и

достоинства, опускать на самое дно. Но за это была плата, о которой задумывались, только лихорадочно распродавая барахло, чтобы успеть свалить, сидя в СИЗО или лежа вот так вот, в обоссанном багажнике или салоне микроавтобуса. Если ты относишься к людям не по-человечески – то будь готов к тому, что точно так же обойдутся и с тобой. Ни один из тех, кто находился в системе, не был ни от чего застрахован. Ни один не имел никаких прав, которые нельзя было бы отнять. Он мог руководить министерством, ведомством, спецслужбой, но за спиной уже жадно дышали молодые волки, готовые вцепиться и разорвать, стоит только дать кому-то команду: «фас!», «можно!». И ничего не сделаешь, не спасешься – те, кого унижал и опускал ты, не упустят возможность отомстить. Это было правилом – и каждый, кто продавал дьяволу душу, лишь втуне надеялся, что дьявол не явится за товаром...

Если так поразмыслить... прав у них было даже меньше, чем у обычного гражданина. Обычный гражданин – он и есть обычный, им занимается полиция, надзирает прокуратура, судит суд. Но самое смешное – что чаще всего обычный гражданин бывает невиновен, и чаще всего – либо прокуратура, либо суд это понимает. А вот в системе – виновны были все без исключения, потому что невиновный был неуправляем, а потому – опасен. Невиновных в ближний круг просто не брали и не доверяли им. А тот, кто сам нарушает закон, вряд ли может рассчитывать на его защиту...

Утром они выехали на трассу. Двадцать километров – и неприметный поворот, не напрямую – а с заправки, специально тут построенной. Униформированный пост, потом скрытый пост – уже *шляпы*¹³. Везде по звонку их пропускали...

Полковник был в принципе неплохим человеком. Он понимал, что скорее всего то, что они делают, не совсем законно. Но все это перекрывалось одним фактом: он был на сто процентов уверен, что этот обоссавшийся ублюдок – виновен. В чем-то, но виновен. Такова особенность нынешней власти – невиновных просто нет. И в кои-то веки раз виновный будет по-настоящему привлечен к ответственности – без шуток, без лукавого «условно». А это грело душу. Потому что полковник был обычным человеком и от вопиющей безнаказанности просто устал...

На воротах их остановили и дальше уже не пустили. Подкатили трое холуев на чем-то, напоминающем гольф-кар, небольшой бесшумной машине на электротяге. Здоровые, в теле, холеные... на них пахать можно, а они тут... отсиживаются, холуи поганые. Полковник, немного отошедший от обычного мандража после захвата в родном доме, снова ощутил, как в нем вскипает изнутри мутное варево злобы...

– Задержанный у вас? Мы его забираем...

¹³ Охрана особо важных объектов, сленговое название. Видимо, от того, что раньше к костюму обязательно полагалась мужская шляпа, и охранники носили ее вместе с гражданским костюмом.

Полковник преградил путь, так что холуй нарвался на локоть.

– Ты кто такой, дядя? Документики имеются?

Холуй поморщился от боли, недоуменно посмотрел на него. «Зеленый человечек»¹⁴, да еще и с голосом – чудеса. Он сам – представитель власти, представитель всемогущего Сергея Сергеевича, и его слова – это слова самого Сергея Сергеевича, его воля, его приказ. Хотя... и шум поднимать тоже не стоит. Лучше без шума. Потому что полкан этот – явный псих, по глазам видно. А случись чего – за него впрягаться не будут. Проблемы негров шерифа не волнуют...

– Нам сказали забрать, и мы забираем... – примирительным тоном сказал он. – Если вопросы есть, позвони, кто там тобой командует, спроси. Тебе скажут.

Полковник смерил взглядом холуя, достал телефон, набрал номер. Коротко переговорил с человеком в Центральном аппарате, который и послал их на захват. Отступил в сторону.

– Давай... забирай.

А про себя подумал: откуда только такие гниды берутся? Здоровый мужик, епт... неужели ему в кайф... холуйствовать?

¹⁴ Такое выражение прижилось в МО во времена министра с кличкой Табуреткин и потом пошло дальше. Зеленые человечки – люди в форме. Сами понимают, что такое отношение к военным до добра не доведет.

Двое тренированных холуев привычно протащили обмякшее от страха тело в ссаном костюме по дорожке и бросили рядом с небольшой, похожей на избушку на курьих ножках беседкой. Оттуда вкусно пахло шашлыком.

– Подождать, Сергей Сергеевич?

Повинуясь начальственному жесту – моментально растворились в тиши векового леса. Двое из ларца, одинаковых с лица, не иначе.

Сергей Сергеевич, не торопясь, доел шашлык с шампура. Шашлык был настоящий, вкусный, его готовил грузин, и из баранины – не из свинины, не из говядины, как обычно готовят в России – из настоящей баранины, которую перед этим отмачивал в сложном уксусном растворе, чтобы убрать горечь. Баранина мясо сложное, с запахом, с плохим жиром, его надо уметь и выбирать и готовить. Но этот шашлык готовил настоящий мастер.

Доев шашлык, Сергей Сергеевич спустился на засыпанную песком полянку перед беседкой. Солнце уже грело, день обещал быть жарким.

– Ты что сделал, гнида педерастическая?..

Молчание.

– Ты что сделал, петух топтанный... – повторил Сергей Сергеевич и, не получив ответа, ударил лежащего подчиненного ногой в живот. Затем, озверев, принялся пинать его, хекая и тяжело дыша, как в драке. И не прекращал, пока не заболело сердце и не появилось скверное ощущение онемения

в левой руке. Он уже знал, что это – преддверие инфаркта, и что бы ты ни делал, надо прекращать.

Утомившись, он вернулся на веранду, мрачно посмотрел на стол. Водка ждала его – отличная, чистая как слеза, нескольких ступеней очистки, настоящая на кедровых орешках – но водку было нельзя. Он схватил кувшин со свежесжатым клюквенным морсом, отхлебнул. Немного успокоился. Он *зверел* и знал это за собой. А сейчас звереть было нельзя, надо было сохранять трезвый рассудок...

Глотнув еще морса, он вернулся на полянку. Подошел к избитому им человеку.

– Ты что сделал, гнида? Ты хоть знаешь, что теперь будет?

Вместо ответа избитый человек вдруг заплакал. Потом вдруг дернулся, Сергей Сергеевич не успел убрать ногу – чиновник схватил ее и начал целовать ботинок, мусоля дорожную британскую кожу слюнями, соплями и кровью.

Твою же мать...

Сергея Сергеевича едва не вывернуло наизнанку от презрения и омерзения...

А вы думаете, что, например, сам Сергей Сергеевич испытывал какое-то удовольствие от этого? От того, что сейчас проворовавшаяся, ни к чему не годная тварь мажет соплями его ботинок, перед этим крупно подставив его и перед Папой, и перед американцами? Сильно ошибаетесь...

Сергей Сергеевич был выходцем с низов, пробравшимся на самый верх. Человеком, сочетавшим в себе тонкое чутье,

звериную хитрость и нечеловеческую жестокость. Первое убийство он совершил еще в середине восьмидесятых, в Анголе – и на его руках была еще кровь, потому что иначе было нельзя. Это сейчас вязали деньгами, совместно украденными и раздербаненными, потому что оставить человека без денег было хуже, чем убить его. А тогда денег не было... Председатель КГБ получал зарплату, с которой аккуратно платил членские взносы, владел квартирой, примерно такой, какую сейчас покупают бизнесеры средней руки, и дачей, которую сам Сергей Сергеевич считал бы негодной даже в качестве домика для гостей¹⁵. А на самом верху КГБ не все имели хоть какую-то машину... зачем, если возят? А так как денег не было – вязали кровью. Любой, кто претендовал на членство в системе, должен был собственноручно совершить убийство. Он его и совершил. А потом – еще одно и еще...

Вот только такой мрази раньше не было. Иногда Сергей Сергеевич приходил в тихое отчаяние от того, с кем приходилось работать. Как и все, начиная на самом низу, он думал, что начальники получают деньги просто так и в основном мешают, а не помогают, – и только сам став начальником, понял, как сильно он ошибался. От осознания этого хотелось выть.

Ведь начальник – это его подчиненные, его успех зависит

¹⁵ Я думаю, мало кто осознает, насколько богаче мы живем, чем жили при СССР. Вопрос – какова цена?

от успеха подчиненных. Сам начальник ничего не делает, он руководит. А как руководить, к примеру, вот этим вот безрогим скотом?

Кто идет им на смену? Совершенно беспринципные... это ведь не он устроил бордель для пидарасов из государственного органа? Нет, это сделали люди совершенно нового поколения, которых в системе было все больше и больше. Знаете, в чем была их разница? Люди старого поколения умели ДЕЛАТЬ. Плохо ли, хорошо ли – но делать. Люди нового поколения – умели ОТЧИТЫВАТЬСЯ. В этом была ключевая разница, которая приводила в отчаяние любого мало-мальски вменяемого человека, пока тот не принимал правила игры.

О, новое поколение умело делать многое, о чем люди старого, помнящего еще СССР поколения даже не подозревали. Они отлично умели находить объяснения и оправдания – так, что тот, кто все это слушал, рано или поздно приходил к выводу, что так и должно быть. Они отлично умели осваивать – а не строить. Они отлично умели манипулировать – если бы в идеологическом отделе КПСС сидели такие умники, то и КПСС и СССР существовали бы до сих пор. Но вот воздействовать на реальный мир, на материальное, создавать новые объекты – они умели очень плохо. Они могли годами делить предприятия, покупать и продавать их, захватывать, рейдерствовать, тратить на это деньги, огромные деньги – но вот взять и построить новое...

у них просто не хватало ума. Такое решение практически никогда не рассматривалось. Лучшие эти деньги потратить на захват старого, переложить из кармана в карман, потом еще раз и еще, и в конце концов, съездить на них в отпуск с любовницей. Все это напоминало автомобиль, только у которого нет колес, и он стоит на столбиках. Бензин есть, водитель есть, двигатель работает, колеса бешено крутятся – а машина не едет. Но при этом все увлеченно делают вид, что она едет, и с серьезным выражением лица обсуждают виды за окном.

И все это было бы совсем не плохо – если бы не одно «но». Так и с такими в упряжке они проигрывали даже самым тупым и отмороженным гоблинам, какими являются боевики. Они тупы, в чем-то очень наивны, самым примитивным образом обучены. Наконец их мало – намного меньше, чем считается. Но у них есть одно преимущество – они реально действуют, и все их действия – действительно направлены на ту цель, которой они хотят достичь. И потому они выигрывают. Или не проигрывают, что почти одно и то же...

Проблема в том, что за них, за эту вот мразь ему отвечать перед Папой. И что еще хуже – перед американцами. Если Папа еще может понять – то американцы вряд ли поймут. Он их хорошо знает.

И других – нет. Все одни и те же, к тому же – еще и голодные.

А те, кто что-то может делать, идут в бизнеры и вре-

дят России! Национальные богатства вывозят! Только и ждут, чтобы смотаться!

Твари. И те и эти. Нормальных людей нет.

– Пидор конченный, – сказал Сергей Сергеевич, расплескав уже свою злобу. – Тварь. Мразь ублюдочная...

– Не виноват... Не виноват...

Да. Не виноват. Это еще одна отличительная черта нового поколения – они никогда ни в чем не виноваты. Они возвели самооправдание в ранг такого высокого искусства, что начинают искать себе оправдания еще до того, как думают о выполнении порученного. У них всегда виноват кто-то другой. Американская разведка. Белоленточники. Цены на нефть и газ. Активисты некоммерческих организаций. Очередной олигарх. Всегда кто-то виноват.

Но только не они сами.

– Ладно, встань... – преодолев в себе отвращение и примирившись сам с собой на мысли, что других все равно нет, кто есть, с теми и приходится работать, сказал Сергей Сергеевич, – и докладывай толком...

– ...я не знал ничего.... Честно говорю, не знал. Чем угодно поклянусь.... Это она, тварь проклятущая... Говорили мне, что она с черными тр...ается, пропустил мимо ушей. А она... мразь, подстилка черная...

– Потерял бдительность, значит. Что ты ей говорил?

– Ничего. Ничего, клянусь! Я к ней только заходил, ко-

гда...

– На кукан натянуть было некого. Так, что ли...

– Ну, так...

– Да без «ну!». Кто теперь тебе поверит?!

Невысокий, худощавый пожилой человек снял наушники, поморщился – пахло резиной, жарко и противно. Не глядя, положил их в мгновенно появившуюся рядом руку, вышел из комнаты. Он слышал все, что ему было надо – хотя проблему это не решало.

Понятное дело, что Сергей его не предавал – теперь он это видел... точнее, слышал. Понятное дело, что этот гнидак... какой из него террорист, из этого куска г...а? Из него и предателя-то не получится... так, плесень.

Но главная проблема не в этом. Если бы Серега, его старый друг и соратник, попытался бы убить его и подослал бы смертника – конечно, это было бы проблемой, но сегодня она была бы конкретно решена и закрыта. А сейчас... правда есть, но вот что с ней делать. Проблема не решена, она превратилась в хвост, который так и будет волочиться дальше. В последние десять лет решить проблему так, чтобы уже к ней не возвращаться, удавалось все реже и реже. И это плохо – тем более для него. Он все-таки глава государства и пока остается им...

Если бы его попросили оценить самого себя, результаты своей деятельности по предмету «внешняя политика», он поставил бы себе твердую пятерку, даже с плюсом. Внутрен-

няя – положила руку на сердце, и на четверку не вытягивала...

Надо помнить, в каком состоянии он принял страну. Россию все списали со счетов. Иностранные писатели упражнялись в рисовании картин развала России: к этому приложили руку такие мастера, как Томас Кленси и Фредерик Форсайт. Картина и впрямь была безрадостной – бюджет самой большой по размерам страны в мире был даже меньше, чем бюджеты крупнейших американских компаний. Когда чеченцы напали на Дагестан – они с трудом наскребли по всей армии тот минимум сил и средств, которыми можно было отразить нападение.

За эти пятнадцать лет изменилось все.

За эти пятнадцать лет Россия из смертельно больного гиганта, смерти которого ждали с усталым облегчением, превратилась в ключевого игрока, без которого невозможно проведение в жизнь ни одного решения на Евроазиатском континенте. Ни одного! Это было фактом, неприятным фактом для многих – но фактом. Британия – единственный игрок на континенте, который еще сопротивлялся этому, билась как рыба об лед, но ничего с этим сделать не смогла. Молчаливое соглашение между крупнейшими европейскими державами, заключенное едино лишь на словах, гарантировало России свою зону влияния и свое право «вето» в негласном европейском консенсусе. Грузия и Украина могли стучать в двери Европейского союза пока не отсохнет рука – их там никто не ждал. Да в последнее время и стремления-то

особого не было... с экономикой в ЕС было не все ладно, и перспектив не просматривалось.

Россия приобрела свое право и на Востоке. Европа, несмотря на общий консенсус, не только ничего не смогла добиться в Сирии, но и полностью разочаровалась в себе самой, утратила внутреннее согласие и уверенность в правильности своих действий. После этого жесткого и болезненного урока Европа молчаливо согласилась на то, что Россия, как и последние несколько сот лет, будет играть роль ее буфера от вторжения разбойных полчищ. Как она это будет делать – ее проблема, Европа просто ничего не будет знать.

Наконец, Америка...

Просто удивительно, как эта сверхдержава, безоговорочный гегемон к началу нулевых – так быстро и, в общем-то, без видимых причин сломалась и утратила лидерство. И более того – все эти годы американцы фактически играли за Россию. Они сражались с теми, кто угрожал России с Востока, потратили денег больше, чем на Вторую мировую войну, погубили несколько тысяч своих солдат и до миллиона джихадистов, ничего не добились, нажили себе врагов, потеряли друзей, снискали всеобщую ненависть. Прихотливая штука жизнь – в сорок первом году точно так же сражался и истекал кровью за интересы западного мира СССР. Чтобы уже в сорок пятом стать врагом всего цивилизованного мира. Конечно... двадцать шесть миллионов только убитыми – это не десять с чем-то тысяч. Но вот по деньгам – Америка уже

расплатилась с лихвой. И будет продолжать платить.

Пока американцы платили, он вел собственную, неброскую, но чрезвычайно эффективную политику. На Востоке есть две силы: шииты и сунниты. Шиитов в десять раз меньше, но это – готовая армия, их всегда преследовали, унижали – и они готовы за это мстить. Задача, почти уже выполненная, – объединить против суннитов все остальные силы Востока во главе с шиитами. Курдов. Армян. Христиан. Контакты были налажены, еще со времен СССР. Нужные люди уже получили оружие – в основном через Ирак, он не был под санкциями и закупил столько, что хватит на небольшую мировую войну. Она и произойдет – вместо последнего похода мусульман на Восток и разрушительной войны, которую Россия не выдержит. Здесь он обыграл самого Сталина, держа Россию пятнадцать лет вне схватки, смотря на то, как истекают кровью ее враги. Теперь даже если мусульмане и повернут против России, у нас уже будет чем их встретить. Перевооружение идет полным ходом. ВВ полностью прогнали через Кавказ, у них есть боевой опыт и уже достаточно современной техники. Немало нового получили и ВВС. Россия – единственная держава за последние двадцать лет, которая в военном плане усилилась, и значительно. Еще, конечно, Китай – но у их армии нет боевого опыта. Никакого. А у нас – опыт еще с Афганистана.

Но вот что делается внутри...

На первый взгляд, все не так уж и плохо. Экономика ес-

ли и не растет так, как хотелось бы, то, по крайней мере, и не падает. Подавляющая часть населения страны сумела наесться, наверное, в первый раз за всю историю России. Посмотреть по городам – машины, квартиры, загородные дома вместо убогих халуп на шести сотках – еще двадцать лет назад все жили в хрущобах, ездили в лучшем случае на «Москвиче» и на своих шести сотках рылись в земле, выращивая картошку. Ему было смешно, когда он слышал разговоры о свободе, о демократии... что дала людям эта свобода? Что людям дала демократия? Пойдет он на четвертый срок – его и в четвертый раз выберут.

Но вот это...

Он не мог подобрать точного определения для того, что было не так. Самое близкое было – испортился народ. Весь, а не только власть. Да, ругают власть – но откуда эта власть берется? Да из народа и берется. Каждый депутат, каждый министр, посадки которых с таким шумом освещают СМИ, он ведь не с Марса прилетел. Он когда-то ходил в обычный детский садик, потом в обычную школу, потом в обычный институт, работал где-то. И как только добрался до власти – случайно или этого он намеренно хотел, он тут же стал хапать в три глотки, издеваться над людьми, прихватизировать чужое. И таких было не один, не два. Кого ни назначь – все одно и то же. Одно и то же, раз за разом, раз за разом...

Пробовали брать людей с самых низов. К воровству добавлялась еще и воинствующая некомпетентность.

Пробовали брать людей со стороны, разрушать круговую поруку. Итог – то же самое воровство, кумовство, семейственность. Разгоняешь чужой клан – чтобы тут же создать новый.

Пробовали вносить элементы бизнеса, создавать госкорпорации. Итог? Подонки начали устраивать себе «кормушки» в провинции: на завод назначается несколько москвичей, первым делом они ставят себе московскую зарплату, доводя до белого каления работяг, потом... а потом – пшик. Составили красивый план, проверяешь – не сделано ничего. Выгоняешь – только для того, чтобы набрать новых. Как потом оказывается – таких же. Ставишь местных – начинают воровать уже они, и почти бесконтрольно.

Пробовали упростить жизнь, убрать кое-какие элементы бюрократии. Криминальные и полукриминальные схемы появлялись сразу после отмены запретов: иногда казалось, что народ играет с государством в игру: кто кого кинет. Любой закон, почти любой в сфере, касающейся денег, – моментально порождал какой-нибудь криминал.

Но вот это...

Это было уже предательство.

Когда русский или русская бросали дом, семью и становились ваххабитами – это был конец всего. Это был подрыв всего того, на чем стояло государство и общество. Покушение на основы. Когда кавказец становился ваххабитом – к этому относились... с негативом, конечно, но в то же вре-

мя понимали: он чужой. Когда становился ваххабитом русский...

Дальше можно было не продолжать.

Он знал, что надо было делать. Надо было нанести удар по гнезду всей той мрази. У России было достаточно ресурсов. Много лет он сдерживал себя: шейхи после того, что случилось с Яндарбиевым, передали вполне определенные угрозы: попробуете еще раз, и опустим цену на нефть. Потому-то он не предпринимал мер, какие следовало бы, против этой мрази. Мирился с проповедниками, которых надо было на свалке закопать с самого начала. Теперь из-за сланца и того, что нашли в Черном море, шейхи сами не знают, куда деваться, теперь угроза снижения цены бьет уже по ним. Вот только...

Поздно.

Он хорошо помнил историю. Помнил, как исподволь проникал в страну марксизм. Менялся, превращался из народничества в эсеровщину, мутировал. Но в конце концов – победил. Видимо, такова несчастливая судьба России... ни одной заразы мимо.

Заглянул секретарь. Он уже знал – кто. Раздраженно махнул рукой – пусть заходит...

Сергей Сергеевич был бледным как мел, но держался.
– Разрешите?

Президент показал взглядом на стул. Сергей Сергеевич не сел, остался стоять – проштрафился. Понимает это.

– Относительно покушения...

Президент вяло махнул рукой.

– Организатор покушения – Хадуллаев Леча Салманович, тридцать девять лет, чеченец, родился в населенном пункте Чечен-Аул. Отец – Салман Хадуллаев, бригадир тракторного звена, настроен резко отрицательно, в первую войну на стороне боевиков, уничтожен. Сам Хадуллаев – спортсмен, мастер спорта по кикбоксингу, по данным УФСБ по Чеченской республике, поддерживал контакты с лесными...

Президент зевнул. Он казался чуть заторможенным – но Сергей Сергеевич знал, как ошибочно это впечатление.

– Интересное что-то есть?

– Так точно. Согласно данным СВР Хадуллаев установлен как специальный агент службы Общей разведки Саудовской Аравии Мухабаррат. В этом качестве отметился в Ливии, Сирии, Ираке. Чрезвычайно опасен.

Президент иронически поднял брови.

– Мухабаррат?

– Так точно. Сообщение помечено как достоверное.

Это что? Вызов? Или подстава? Сережа с американцами – вполне мог и...

– У нас все достоверное. Пока петух в ж... не клюнет. Смертницу установили?

– Так точно. Шаламова Алена Владимировна, журналистка, русская. Никаких данных на нее не было.

– Не было?

Сергей Сергеевич выдержал пристальный взгляд.

– Так точно. Не было. Она не принимала ислам, не посещала мечеть. По ней работают сразу три группы.

– Работать надо не по ней тремя группами! – внезапно выкрикнул президент с яростью на лице. – А по тем, кто еще не подорвался! Она в кремлевский пул входила – думаешь, я не знаю?! Кто и как ее проверял? Может, завтра нас всех в Грановитой палате на воздух поднимут! Паразиты!

Сергей Сергеевич побледнел.

– Так точно. Брошены все силы.

– Силы... – с насмешкой сказал президент, – ты уж лучше скажи, как было, не ври. Легла под одного из ваших... со Старой площади. – Для обозначения «тех, кто со Старой площади» – президент употребил страшное ругательство. – Ну?

– Так точно. Было.

– Сволота...

Президент внезапно успокоился.

– Что с американцами? Информация есть? Что-то помимо того, что на Совбезе мололи?

– Так точно. Просят разрешить следственной группе работать в Москве.

– Просят?

Тон главы государства не предвещал ничего хорошего.

– Убедительно просят, – выкрутился Сергей Сергеевич. Если говорить честно – американцы давили на него, и сильно, он даже отключил все телефоны, приказал ни с кем не со-

единять. У американцев есть одна очень неприятная особенность – просить они не умеют. Совсем. Они приходят к тебе и говорят, что им нужно. И смотрят на тебя так, как будто ты им должен. И возмущаются, если ты не делаешь, – причем искренне возмущаются. Им плевать, что он и так сделал все, что мог. Им плевать, что вот такая вот «аудиенция у главы государства» здоровенный кусок здоровья отнимает, потом никаким коньяком не отпоишься. Это у них там... хиханьки-хаханьки. А тут – каждый день как гимнаст на проволоке.

– Не пускать. – Слова упали, как камень в тишину кабинета. – Если нужно, то и силовыми методами. Здесь им не Кабул.

– Есть.

Президент, казалось, отвлекся – но тут же его взгляд снова сфокусировался на переносице подчиненного, прямой и страшный, как лазерный луч.

– Кто играет игру? Кто подорвал американцев?

...

– Может, ты?

Обвинение было страшным.

– Владимир...

Президент махнул рукой:

– Не трать усилий. Все равно не поверю. Найди. Сам найди, пока этого не сделали американцы.

– Есть.

– Кому есть, а кому и лапу сосать. Имей в виду – прове-

рять я лично буду. И упаси тебя господь хоть на толечку со-
срать. Хоть на грамм. Знаешь, что будет.

...

– Все. Иди.

На ступенях парадного дачи Сергей Сергеевич появился
в крайне дурном настроении.

Охрана у входа сделала условный знак, водилы и *челядь*
смяли и спрятали в карманы бычки, одернули пиджаки и
приняли подходящее случаю выражение лица – преданность,
решимость и готовность исполнить любое поручение. «Мер-
седес» и громадный «Шевроле» охраны короткого, всего из
двух машин кортежа плавно притормозили у ступенек как
раз в тот момент, когда перед Сергеем Сергеевичем как по
волшебству открылась дверь.

Вышколенный, немногословный начальник смены служ-
бы безопасности замер у открытой «хозяйской двери» «Мер-
седеса», едва заметно поднял брови. Немой вопрос – куда
прикажете.

– В контору, – бросил Сергей Сергеевич, – и не гони.

Не гони – означало, что мигалки включать не надо. На-
чальник смены аккуратно притворил дверь, сам сел вперед,
на переднее пассажирское – его законное место.

Машины тронулись. Прокатились по лесным дорожкам,
не снижая скорости вылетели через заранее открытые ворота.
Встроились в дорожный поток, движущийся к Москве.

Бесшумно скользнуло вверх стекло, отделяющее пассажирский отсек «Мерседеса» от водительского. Сергей Сергеевич достал из кармана на двери машины свои любимые сигареты – дешевый «Петр I», – но тут же раздумал. Смял уже выхваченную из пачки сигарету пальцами, бросил назад вместе с пачкой.

Пахло паленым...

Несмотря на то что пока конкретно ничего не угрожало – ни ему, ни его положению, Папа ему больше не верил. Более того – как ни крути, получается, он Папу подставил. А это влечет за собой далеко идущие последствия. Папа, как известно, резкие кадровые решения не любит – но он уже будет не в фаворе. В фавор войдут другие. Начнут пробовать его на зуб. Придется отбиваться, – а жизнь совсем не в кайф, когда отбиваешься. Рано или поздно, отбиваясь, он ослабнет настолько, что очередной наезд отбить уже не сможет. Тогда будет очередное коррупционное дело, о котором радостно отрапортует Первый канал. И что примечательно – оно будет справедливо на все сто.

Потому что такова вертикаль власти. Начинаясь снизу, у самого подножия, – она начинает просеивать людей через все более мелкое сито. И вовсе не по деловым качествам, нет. Наверх поднимаются те, кто может угодить начальству. Порадовать начальство. Прикрыть начальство. И, что самое главное, занести начальству...

Денег на нижних ступенях системы пока нет, так – кро-

хи. Просто удивительно, за что продаются вниз. Начальник РОВД – за сумку с продуктами, отнятыми на рынке у торговцев сметливым милицейским нарядом. Начальник какого-нибудь небольшого органа – за конференцию по новым правилам госзаказа, проходящую, по счастливой случайности, в отеле на Канарах...

Деньги появляются с определенного уровня, причем сразу в таком количестве, что это вызывает шок. Но правила те же самые – большую часть из того, что принес в клюве, отдай наверх. Именно на этом уровне разыгрывается львиная доля открытых коррупционных скандалов – так наказывают тех, кто хапнул, но не занес. Или занес недостаточно. Кто выдерживает последнее испытание – большими деньгами, тот проходит дальше.

На его уровне взятки уже не берут. И не дают. На его уровне идет война за контроль над незаконной рентой, получаемой от заводов, от экспортных контрактов, от целых отраслей промышленности. Нюанс тут вот в чем – ты не имеешь права ничем владеть на бумаге. Тебе платят просто за то, что ты «вхож». Но как только ты перестаешь «быть вхож» – информация об этом разлетится быстрее, чем дорогая пачка сигарет на перекрестке. И тебе перестанут платить и сделают недоуменно-оскорбленный вид, когда ты об этом напомнишь.

И вот тогда – все. Конец.

Некстати вспомнились старые времена. Когда он был со-

всем еще пацаном, учился в институте, в котором носили военную форму, но знания давали совсем не военные. Они пили портвейн «Солнцедар», покупали его на всех и ходили в баню. Истинной удачей считалось, если у кого-то вдруг наклеывалась свободная квартира. Можно было наскрести, настрелять денег на гостиницу – но тогда в гостиницу без штампа в паспорте не пускали.

Сейчас чуть ли не на Красной площади трахаются...

Когда было лучше? Неужели тогда?

Его однокашники поделились на две группы. Одни были в деле – он подбирал из них свою команду, старательно проталкивал наверх, пристраивал на теплые местечки – потому что мало в ком он мог быть так уверен, как в них. Другие не подавали ему руки. Из его курса один застрелился, один погиб в Афганистане, один в Чечне. Несколько спилось...

Жизнь просеивала всех – как песок на грохоте. И тот, кто был камнем, – отбрасывался в сторону. Нужно быть песком. Сыпучим и неопределенной формы. Проскочить через сито.

Тогда почему хочется все бросить и...

Москва уже летела мимо кирпичными и зеркальными фасадами новостроек, половодьем рекламных щитов. Город, так и не ставший ему по-настоящему родным. Город, который он приехал покорять – и покорил. Но который не перестал его ненавидеть.

Да пошло оно все...

Контора – так называлось частное охрannое предприятие – ЧОП, одно из крупнейших в Москве и в общем – по России. По странному стечению обстоятельств, самые опытные спецы из ФСБ, СВР, ГУО устраивались именно сюда.

Основной офис – не представительский, для представительского купили триста квадратов в дорогом бизнес-центре, – находился в квартале, который при Горбаче был окраиной Москвы. А теперь – «близко к центру», так это называлось. Девятиэтажная, сдури отгроханная махина в свое время принадлежала какому-то НИИ, была построена на закате светлых брежневских времен – то есть, по вполне современному проекту. НИИ гавкнулся в девяностые, когда выяснилось, что теперь за безделье не готовы платить даже сто двадцать в месяц¹⁶, какие-то ушлые кавказцы, за бесценок приобрета здание, начали сдавать его под офисы, даже не сделав ремонта. Потом гавкнулись уже кавказцы – приходили другие времена. Новые хозяева вежливо выжили арендаторов – кому-то даже заплатили неустойку, сделали дорогостоящий ремонт, но только внутри, фасад не трогали, даже косметикой не подновляли. Еще большие – наверно, больше, чем стоимость здания на тот момент, – деньги потратили на самые современные системы контроля периметра, доступа, прослушивания, на компьютерное оборудование и связь. Те-

¹⁶ Во времена позднего СССР каждый четвертый ученый в мире был советским. Это не помешало нам прозевать компьютерную НТР и полностью обанкротиться в вопросе идеологии и в социальных науках.

перь здесь был один из филиалов неизвестной и незаконной системы контроля страны. Арендаторы тут по-прежнему были – но все свои. Чужие здесь не ходили...

Конечно, для целей конспирации совсем нехорошо, когда в ворота задрипанного офисного здания въезжают такие люди.

Эдуард Петрович встречал Сергея Сергеевича на втором этаже, в предбаннике бывшего спортзала, переоборудованного в ситуационный центр. Сам он был человеком непростой судьбы. В девяносто четвертом попал в плен к чеченским боевикам во время штурма Грозного, спасся лишь благодаря присутствию духа и полному бардаку – он был в гражданском, и его не смогли опознать. С девяносто седьмого по две тысячи второй год он был членом того, что в народе прозывали «Белая стрела» – система незаконной ликвидации криминальных авторитетов и иных лиц, прямо угрожающих стабильности власти. Он ушел из системы вместе с ее распадом: воры в законе переоделись в дорогие костюмы и стали производить цемент, мороженое и выращивать картошку – а при встрече со своими «коллегами», которым не повезло, кто не встроился, не понял момента, презрительно морщились. Милиция стала вымогать взятки за прекращение дутых уголовных дел и сама превратилась в рэкетирскую подсистему, нередко в таком качестве сталкиваясь с бывшими ворами, которые только головой качали. «Белую стрелу» пришлось распустить в связи с изменением обстановки,

но уже через несколько лет ее пришлось воссоздавать заново. Новой смертельной угрозой государству стали исламские экстремисты.

– Пройдем! – Сергей Сергеевич показал глазами.

Они прошли к лифту. Поднялись на крайний этаж. Затем по лестнице выбрались на крышу, уставленную антеннами. Здесь было очень сложно прослушать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.